

Соглашатели опирались на поддержку контрреволюционного «Союза фронтовиков», в котором состояло 3500 человек. Все это вместе взятое и привело к временному падению Советской власти.

Отдельные вспышки антисоветских настроений среди рабочих вызывались также огромными трудностями войны и хозяйственной разрухой, которыми всегда пользовался классовый враг. Особенно тяжелое положение сложилось с продовольственным снабжением городского населения. Подвоз хлеба из Сибири с началом чехословацкого мятежа полностью прекратился. Хлебные районы Урала и Зауралья сразу же оказались в руках белогвардейцев или были охвачены кулацко-эсеровскими восстаниями. Хлеб доставался ценою больших усилий и жертв. Свыше полутора миллионов пудов хлебных излишков имелось в соседней Вятской губернии, но они использовались главным образом для снабжения голодающего населения центральных промышленных районов. С боем добывался хлеб, припрятанный кулаками. Так, специальная военно-продовольственная экспедиция Уралснабжения, направленная в октябре 1918 года в Печорский край, реквизировала у кулаков и зажиточных крестьян села Ляпино 250 000 пудов хлеба. Но все равно хлеба не хватало. Ведь только месячная потребность в продовольствии рабочих и беднейших крестьян Урала, не считая армию, составляла 1 114 104 пуда, если брать норму в 26 фунтов для рабочих и вообще лиц, занятых физическим трудом, и 15 фунтов для иждивенцев. В областные хозяйственные организации постоянно поступали тревожные сигналы о тяжелом продовольственном положении заводов. В телеграмме из Надеждинска от 29 августа сообщалось, что в Богословском горном округе сложилось тяжелое положение с продовольствием, рабочие требуют расчета¹. Как указывалось в информационной сводке Пермского губернского отдела управления за октябрь, в Кизеле на почве недостатка хлеба среди рабочих возникло брожение². В Кушве, по донесению политотдела Третьей армии от 21 ноября, населению начали выдавать вместо хлеба по фунту сырого овса в день. Это вызвало сильное недовольство. В Усольском уезде рабочее население недополучало ежемесячно в среднем

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 413, л. 98.

² Там же, д. 605, л. 230.

9000 пудов продовольствия. Для покрытия этого недостатка местные заготовительные органы реквизировали у крестьян в сентябре — октябре около 40 000 пудов хлеба. Однако месячную норму рабочего пайка все же пришлось сократить до 15 фунтов.

Недовольство, вызванное перебоями со снабжением, всячески подогревалось контрреволюционной агентурой. Меньшевики и эсеры уговаривали несознательных рабочих потребовать разрешения свободной торговли и отмены твердых цен на хлеб, провоцировали их на антисоветские выступления. Иногда это им удавалось. В начале декабря 1918 года несознательная часть рабочих Мотовилихинского завода под воздействием антисоветской агитации эсеров оставила работу и предъявила ультиматум. Выдвигались требования немедленно увеличить продовольственный паек, прекратить борьбу с мешочниками и спекулянтами, снять заградительные отряды, ликвидировать монополию государственных органов на заготовку хлеба и т. д. Военный совет Третьей армии вынужден был закрыть завод и объявить его на осадном положении. Следственные органы быстро нашли и обезвредили зачинщиков выступления. Их было 30 человек. Все они принадлежали к левозэсеро-ской организации¹.

С самого начала военных действий на Восточном фронте важнейшим объектом всей организационной, хозяйственной и политической работы партии являлась деревня. Прочность Советской власти во многом зависела от поведения крестьянства, от той борьбы, которая развернулась между его пролетарскими и буржуазными элементами летом 1918 года. События показали, что в лице деревенской буржуазии рабочим и беднейшим крестьянам пришлось столкнуться с жестоким, непримиримым врагом. В ходе гражданской войны кулачество превратилось в главную социальную базу контрреволюции в тылу Красной Армии. Вот почему Коммунистическая партия взяла курс на разгром кулачества, считая это вопросом жизни и смерти Советского государства.

Свою задачу коммунисты Урала видели в том, чтобы организовать деревенскую бедноту, вырвать из-под влия-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 605, л. 196.

ния контрреволюции среднее крестьянство, подавить вооруженное сопротивление кулачества, мобилизовать трудящихся на оказание всемерной помощи фронту. Выполнение этой задачи было сопряжено с огромными трудностями. Как уже указывалось, расстановка классовых сил в уральской деревне первоначально не благоприятствовала Советской власти. Мелкобуржуазные массы крестьянства в силу своей относительной зажиточности не были кровно заинтересованы в дальнейшем развитии и углублении социалистической революции. Находясь под сильным влиянием соглашательских партий и не имея собственного политического опыта, они не понимали необходимости всеми силами поддерживать и защищать государство пролетариата. В условиях начавшейся войны Советская власть не успела проявить свои величайшие преимущества. Вооруженное сопротивление контрреволюции помешало довести до конца важные социально-экономические мероприятия, направленные на укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Важнейшим этапом борьбы за привлечение масс трудящегося крестьянства на сторону пролетариата явились аграрные преобразования, которые осуществляла Советская власть на основе декрета о земле. Суть их заключалась в экспроприации крупных земельных собственников и национализации всей земли, а также в ликвидации других остатков феодально-крепостнических отношений. В результате осуществления ленинского декрета о земле крестьянство Урала получило от Советской власти около 10 миллионов десятин земли и леса. Земельный надел, приходящийся на едока, увеличился в Пермской губернии с 1,88 десятины до 2,11 десятины, в Уфимской — с 1,99 до 2,15 десятины и т. д.

Осуществление декрета о земле на Урале происходило в обстановке острейшей классовой борьбы. Против ликвидации частной собственности на землю выступили не только крупные землевладельцы, но и кулаки, стремившиеся сохранить и расширить свои привилегии, сорвать перераспределение земель по потребительно-трудовой норме. Их ставленники, меньшевики и эсеры, всячески тормозили работу земельных органов, агитируя крестьян поджидать с решением вопроса до созыва Учредительного собрания. Когда началась гражданская война, аграрная реформа на Урале еще не была завершена. Хотя земля и стала государственной собственностью, но она не перешла целиком в распоряже-

ние крестьянства. Чтобы передать национализированные земли в фактическое пользование крестьян, нужно было не только взять на учет бывшие частные владения, но и произвести тщательное обследование крестьянских наделов, определить потребительно-трудовую норму, выделить участки для крестьянских коллективов и показательных государственных хозяйств, составить необходимую техническую документацию.

На Урале эти работы начались с большим опозданием. Только в конце апреля 1918 года областной комиссариат земледелия, возглавляемый левым эсером Хотимским, принял обязательное постановление о порядке передачи крестьянам во временное пользование земель так называемого распределительного фонда, бывших ранее в частном владении. В Пермской губернии земельные органы приступили к необходимым землемерно-техническим работам на местах лишь в конце мая — начале июня 1918 года, но так и не закончили их из-за оккупации Урала колчаковцами. В Осинском уезде к середине октября было распределено между крестьянами менее пятой части учтенного количества земель нетрудового пользования. Иначе обстояло дело в Пермском уезде, где состояло на учете свыше 60 000 десятин частновладельческой земли. Крестьяне не стали ждать, пока местные организации определят потребительно-трудовую норму, и пустили в уравнильный передел все земли сельскохозяйственного назначения, включая и наделные.

Таким образом, до белогвардейской оккупации полный раздел и передел земли на Урале не был проведен. Из-за нераспорядительности местных земельных органов, в которых в то время верховодили левые эсеры, безземельное и малоземельное крестьянство не успело получить землю в свое фактическое распоряжение. В подтверждение этого можно привести еще один пример. В Осинском уезде к началу гражданской войны почти четверть беднейших крестьян еще не получила земли. Незавершенность аграрных преобразований в уральской деревне являлась, без сомнения, одной из серьезных причин колебаний середняка в сторону контрреволюции.

Наибольшей остроты классовая борьба в деревне достигла в период комбедов. Создание комитетов деревенской бедноты ознаменовало собой новый этап социалистической революции, когда беднейшее крестьянство под руководст-

вом пролетариата и при активной поддержке Советского государства решительно выступило против контрреволюционного кулачества. На Урале строительство комбедов развернулось в основном осенью 1918 года, то есть в самый разгар гражданской войны. К концу года по шести уездам Пермской губернии было организовано 3389 волостных и сельских комитетов деревенской бедноты. Эта разветвленная сеть опорных пунктов диктатуры пролетариата в деревне была призвана сломить сопротивление кулачества, оживить Советы, перераспределить в пользу неимущих землю, скот, инвентарь, хлеб, ускорить мобилизацию революционных сил. И действительно, комбеды явились мощным средством упрочения Советской власти.

В Вознесенской волости Оханского уезда беднота была совершенно терроризирована кулаками. В первых числах августа, когда в деревнях проходила мобилизация в Красную Армию, кулаки подняли вооруженный мятеж. Это вынудило бедноту взяться за организацию своих сил. Партийные агитаторы, прибывшие в волость, провели после подавления мятежа разъяснительную работу среди крестьян, помогли им переизбрать кулацкий Совет и создать комитет деревенской бедноты. Тут же была организована ячейка коммунистов, которая в октябре насчитывала 68 членов. По инициативе коммунистов комитет бедноты обложил кулаков контрибуцией в 35 тысяч рублей. Деньги пошли на удовлетворение хозяйственных нужд крестьян, пострадавших от кулацкого мятежа, а также на социально-культурные мероприятия.

Активно работали комитеты бедноты в прифронтовой Рядковской волости Осинского уезда. Совместно с волостным Советом, руководимым коммунистами, они организовали сдачу государству хлеба прошлого урожая, а новый хлеб взяли на строгий учет, выделив специальный фонд для обсеменения полей. Трудящиеся крестьяне волости в тяжелую минуту крепко поддержали Советскую власть. Более 100 человек из них вслед за коммунистами добровольно ушли на фронт. Много добровольцев дали и другие волости уезда, где имелись крепкие партийные ячейки и комитеты бедноты: Юго-Осокинская, Ашاپская, Богоявленская. Комитет бедноты Аминской волости послал на фронт 125 добровольцев.

Деятельность комбедов охватила все стороны сельской жизни. Наиболее важное значение имели мероприятия по

введению хлебной монополии, учету, разверстке и заготовке сельскохозяйственных продуктов, снабжению неимущего крестьянства за счет кулаков продовольствием, семенами, инвентарем и рабочим скотом. Опираясь на сочувствие честных тружеников деревни, на вооруженную силу добровольческих крестьянских дружин, комбеды повели решительную борьбу с теми, кто сознательно организовывал голод, скрывал продовольственные излишки, спекулировал на черном рынке. Взятый на учет хлеб шел на обеспечение бедноты, промышленных рабочих, армии и голодающих центров страны. Так, в Култаевской волости Пермского уезда комитет постановил отчислить добровольно в пользу голодающих рабочих центра 2000 пудов хлеба¹. В случае необходимости комбеды прибегали к общественным работам. В Бымовской волости Осинского уезда было решено организовать артель из 14 человек для принудительного обмолота и точной переписи урожая 1918 года. Такая же артель организовалась в Осинцовской волости. Она собирала хлеб с полей бежавших к белым кулаков, оказывала продовольственную и иную помощь семьям красноармейцев и беднейшим крестьянам². К общественным работам в принудительном порядке привлекали и кулаков.

Массовая повсеместная экспроприация средств производства у кулаков на Урале не проводилась. Но сельскохозяйственные орудия и машины были все на учете, а в ряде случаев их отбирали в пользу сельскохозяйственных коммун и артелей. Чаще практиковалось совместное использование молотилок, сортировок, веялок и других сложных машин, а также рабочих лошадей, принадлежащих зажиточным крестьянам. Что касается перераспределения земли, то участие комбедов в этом ограничивалось главным образом контролем за деятельностью местных земельных органов, призванных осуществлять аграрное законодательство Советской власти. Только в отдельных случаях, когда интересы бедноты явно ущемлялись, они сами брались за урегулирование земельных отношений.

Деятельность комбедов позволила значительно укрепить позиции Советской власти в уральской деревне, сплотить беднейшее крестьянство вокруг пролетариата, ослабить натиск кулацкой контрреволюции. Вместе с тем

¹ Ученые записки. Сборник статей. Свердловская высшая партийная школа, стр. 175.

² Там же, стр. 177.

задачи социалистической революции не были решены здесь в полной мере. Организация деревенской бедноты на Урале началась слишком поздно. К этому времени значительная часть его территории уже находилась под властью белогвардейцев и интервентов. За короткий срок своего существования комбеды не смогли до конца сломить сопротивление кулачества. На Урале деревенская буржуазия не подверглась экспроприации в столь сильной степени, как в центральных районах страны. В ряде случаев она сумела все же сохранить свои экономические преимущества и политическое влияние.

Комбеды Урала не выполнили и другого важного своего назначения: они не сумели нейтрализовать середняка, оторвать его от деревенской буржуазии и вовлечь постепенно в русло социалистической революции. В составе уральских комитетов деревенской бедноты среднее крестьянство почти отсутствовало. Характерен факт, произошедший в Усть-Бубинской волости Оханского уезда. В документе он изложен так: «Приехавшим агитатором обл. комитета коммунистов были даны объяснения о задачах комбедов. Затем в списке сельчан были сделаны пометки — кто бедняк, кто середняк, кто кулак. К выборам была допущена только беднота. Некоторым середнякам очень хотелось, чтобы их причислили также к беднякам. Один бедняк и сказал такому середняку: «Если хочешь быть бедняком, давай обменяемся всем, что у нас есть. Ты иди ко мне в дом, а я пойду в твой». Споривший середняк замолчал. В избирательный комитет вошли только бедняки»¹. Такое противопоставление комбедов середнякам противоречило политике Коммунистической партии и Советского правительства в деревне. Не случайно В. И. Ленин от имени Совета Народных Комиссаров обратился 18 августа 1918 года ко всем губернским Советам с телеграммой, в которой разъяснил, что Советская власть всегда ставила своей целью объединение вокруг городского пролетариата как сельского пролетариата, так и трудового крестьянства среднего достатка и что она стремится к удовлетворению нужд середняка наряду с нуждами городских рабочих и деревенской бедноты.

Для укрепления союза рабочего класса с беднейшим

¹ Ученые записки. Сборник статей. Свердловская высшая партийная школа, стр. 170.

крестьянством большое значение имел опыт организации коллективного земледелия. Образование сельскохозяйственных коммун и артелей отражало стремление крестьянской бедноты организоваться, сообща добиться улучшения своего материального положения и избавиться от кулацкой кабалы. Коллективные хозяйства на Урале начали возникать еще в конце 1917 года. Так, Пермская трудовая сельскохозяйственная коммуна «Колония» образовалась 29 декабря. Она объединила 215 человек, из них 40 постоянных членов. В коммуну вошли рабочие, железнодорожники, безземельные крестьяне, ветеринар, учительница и т. д. Партийная принадлежность постоянных членов была такова: 5 коммунистов, 4 левых эсера, 31 беспартийный. Коммунарам принадлежало 2 лошади, 2 плуга, небольшой двигатель, 6 коров, 12 овец, 200 кур и гусей, пчелы, кролики. Кроме того, они располагали капиталом в сумме 14 тысяч рублей¹.

Весной 1918 года возникли сельскохозяйственные коллективы в Пермском, Екатеринбургском, Оханском и Усольском уездах. Однако по-настоящему строительство коллективных хозяйств началось с развертыванием социалистической революции в деревне летом и осенью 1918 года. Мобилизуя трудящееся крестьянство на борьбу с кулаками, комитеты бедноты оказали коллективным хозяйствам организационную и материальную поддержку. Трудовая коммуна «Культура» Насадской волости, Пермского уезда, возникшая в марте 1918 года, окончательно стала на ноги только в августе, когда в ее распоряжение была передана отобранная у кулаков земля Крестьянского земельного банка. В Вознесенской волости Оханского уезда комитет бедноты отвел для сельскохозяйственной коммуны 90 десятин бывшей церковной земли, а необходимый для ее обработки инвентарь и скот конфисковал у кулаков². Значительная часть кулацкого имущества была передана крестьянским коллективам комитетами бедноты в Пермском уезде. Очень интенсивно шла организация коллективных хозяйств в Осинском уезде. В одной только Богоявленской волости осенью 1918 года возникло 5 трудовых коммун. Причем в них объединились не только батраки и малоимущие крестьяне, но и кое-кто из средних крестьян

¹ Вопросы истории Урала. Сборник статей. Уральский государственный университет. Свердловск, 1968, стр. 98.

² «Уральский рабочий», 18 октября 1918 г.

ян, охотно отдавших в общее пользование свой скот и инвентарь¹.

Первый опыт коллективного земледелия на Урале имел большое политическое значение. Но количество коммун и артелей было незначительно, состав их малочисленен, техническая оснащенность низкая, они были слабыми в организационно-хозяйственном отношении. Причины этого крылись в тяжелом положении страны, вызванном хозяйственной разрухой и гражданской войной, в нехватке необходимых материальных средств, организаторских кадров, в яростном сопротивлении деревенской буржуазии и всех контрреволюционных сил. Некоторая часть среднего крестьянства была, безусловно, вовлечена в коллективные хозяйства. Но середняки предпочитали объединяться в сельскохозяйственные артели и весьма настороженно относились к коммунаам. Это вполне соответствовало мелко-собственнической природе среднего крестьянства. Однако на местах некоторые работники пытались насаждать коммуны средствами административного нажима. В одном из сообщений говорилось, что в Пермской губернии было много артелей, «организаторы которых думают артели перестроить в коммуны. Но пока члены артелей занимают выжидательное положение и говорят — посмотрим, каковы будут другие коммуны, как у них дела пойдут»². Искусственное насаждение коммунистических начал в деревне, разумеется, отпугивало крестьян, настраивало их против коллективного способа ведения сельского хозяйства, против политики партии вообще. Следовательно, и этот фактор в какой-то мере мог неблагоприятно влиять на позицию середняка в гражданской войне.

Большая заслуга в политическом, хозяйственном и культурном руководстве трудящимся крестьянством принадлежала рабочему классу. Особенно значительную роль в этом сыграли продовольственные отряды. Передовые рабочие Перми, Кизела, Мотовилихи, Чермоза, Надеждинска, Соликамска и других заводов и промышленных центров Урала, возглавляемые коммунистами, приняли активное участие в осуществлении социалистической революции в деревне. Они выделили из своей среды сотни продовольственных отрядов, действовавших главным об-

¹ «Красный набат», 9 октября 1918 г.

² Ученые записки. Сборник статей. Стерлитамакский государственный педагогический институт, стр. 64.

разом по Каме, в Осинском и Оханском уездах. В Мотовилихе было создано несколько десятков отрядов по 15—20 человек в каждом¹. В борьбе с кулачеством уральскому пролетариату и беднейшему крестьянству оказали большую помощь рабочие Петрограда. Во второй половине июня 1918 года в Пермскую губернию прибыл первый петроградский продовольственный отряд в количестве 460 человек, в том числе 47 коммунистов. Затем питерские рабочие послали на Урал второй отряд приблизительно такой же численности.

Продовольственные отряды занимались не только заготовкой хлеба. Не менее важным их назначением было сплочение революционных сил деревни вокруг пролетариата, мобилизация беднейшего крестьянства на борьбу с белогвардейщиной. Отряды рабочих вели среди крестьян большую разъяснительную работу, помогали создавать и укреплять Советы, комитеты деревенской бедноты и коллективные хозяйства, проводить мобилизации в Красную Армию.

Большое воздействие на моральное состояние, на политическую активность трудового крестьянства оказывала разъяснительная и организационная работа Коммунистической партии. При Уральском обкоме РКП(б) была создана специальная комиссия, которая рассылала по деревням агитаторов и организаторов для проведения агитационных кампаний, вербовки добровольцев в Красную Армию, распространения литературы, организации Советов, комитетов бедноты, партийных ячеек и коллективных хозяйств. Только за август — сентябрь 1918 года в уезды было послано свыше 500 партийных работников².

Значительная часть политико-массовых и организационных мероприятий в деревне осуществлялась обкомом РКП(б) через агитационно-просветительные отделы военных комиссариатов. После того как функции политического просвещения армии перешли к политотделам, агитационно-просветительные отделы военкоматов сосредоточили всю свою деятельность в тыловых частях и уездах. К 1 декабря 1918 года в городах, заводских поселках и деревнях Урала работало около двухсот постоянных агитаторов и организа-

¹ А. И. Устькачкинцева. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 год). Пермь, 1953, стр. 90.

² Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 189.

торов от областных и окружных органов. Они провели десятки собраний и митингов, прочитали 100 лекций, организовали 5 военных комиссариатов, 13 сельскохозяйственных коммун, 11 партийных ячеек и 800 комитетов деревенской бедноты. С осени 1918 года агитационно-просветительный отдел Уральского окружного военкомата направил на места огромное количество политической литературы, в том числе более трех миллионов брошюр, полутора миллионов газет, 55 тысяч плакатов, воззваний. В прифронтовых районах агитационную и организационную работу среди населения вели наряду с местными партийными ячейками армейские политотделы, которые посылали для этой цели специальных агитаторов.

Видное место в разъяснительной работе агитаторов занимали вопросы аграрной политики Советской власти. Вместе с тем армейские коммунисты оказывали помощь местным органам в создании комитетов бедноты, в укреплении Советов, в организации партийных ячеек. Например, в четырех уездах Пермской губернии: Усольском, Осинском, Чердынском, Оханском — осенью 1918 года было создано более ста партийных ячеек. Активное участие принимали армейские коммунисты в организации комитетов бедноты. Только в Оханском, Кунгурском и Осинском уездах армейские коммунисты помогли организовать 95 комбедов.

Один из самых важных итогов организационной и политической работы партии летом и осенью 1918 года состоял в усилении большевистского влияния на трудящиеся массы. Кровавые уроки кулацко-эсеровской контрреволюции, бушевавшей на Урале, убедили многих рабочих и крестьян в правильности той политики, которую проводила Коммунистическая партия, и раскрыли перед ними антинародную сущность соглашательских партий, в том числе и левых эсеров.

Крах левоэсеровской партии начался после того, как ее лидеры открыто выступили против политики Советской власти в деревне, подняли контрреволюционные мятежи в Москве и в других городах, встали на путь белогвардейского террора. На Урале определенная часть левых эсеров, связанная с мелкой буржуазией и кулачеством, сразу же перешла в лагерь врагов трудового народа. Например, Пермский комитет партии левых эсеров принял резолюцию, одобряющую провокационные действия своего ЦК. Когда

коммунисты собрали в городском театре массовый митинг протеста против эсеровской авантюры в Москве, террористы бросили в переполненный людьми зал бомбу. Возмущенные рабочие потребовали немедленно арестовать вожakov левых эсеров и разоружить их партийную дружину. Враждебную позицию по отношению к Советской власти заняли также комитеты Нижнетагильской, Новолялинской, Камышловской, Кунгурской, Усольской организаций левоэсеровской партии.

Однако многие рядовые члены этой партии, которые ближе стояли к трудящимся массам, решительно порвали с авантюристической политикой своих руководителей. Часть из них примкнула к большевикам. Например, в сводке информационного отдела Уральского окружного военкомата за 10 октября 1918 года сообщается, что в Перми состоялось заседание бывших левых эсеров — членов фракций областного, губернского, уездного и городского исполкомов Советов, на котором было принято решение о вступлении в ряды Коммунистической партии. Другие объявили себя «интернационалистами» или «народниками-коммунистами». Некоторое представление о программе последних дает декларация, которую огласила на съезде Советов Верхотурского уезда 6 сентября 1918 года фракция «народников-коммунистов». В ней провозглашался типично народнический тезис о необходимости «развития духовно и экономически свободной критически мыслящей личности». Вместе с тем авторы декларации выражали полную готовность поддерживать все социалистические мероприятия большевистской партии в деревне, признавали правильность внутренней и внешней политики Советского правительства¹. Что касается левых эсеров — «интернационалистов», то и они в подавляющем большинстве активно включились в общую борьбу с контрреволюцией. Когда, например, в Оханском уезде в августе вспыхнули кулацко-белогвардейские мятежи, ячейка «интернационалистов» Бубинской волости постановила «оказать реальную помощь товарищам коммунистам для защиты Советской власти»². Помощник командующего Третьей армией Белицкий 12 августа сообщал в Реввоенсовет армии о том, что сформированная в Перми дружина левых эсеров в

¹ ПАСО, ф. 4, оп. 1, д. 13, л. 55.

² Там же, д. 589, л. 79.

количестве 500 человек требует отправки на фронт, и поручился за ее боеспособность.

Разложение левоэсеровской партии отразилось на партийном составе местных Советов. Представительство этой партии в советском аппарате резко сократилось. Например, среди делегатов Пермского уездного съезда Советов, открывшегося 18 октября, коммунистов было 76, им сочувствующих — 36, левых эсеров только 1. На съезд Советов Верхотурского уезда, который состоялся 11 сентября, прибыло 110 делегатов, в том числе 68 коммунистов и 10 левых эсеров. Поскольку последние отказались осудить действия ЦК своей партии, съезд лишил их полномочий. На 2-м съезде Советов Усольского уезда в начале июня присутствовало: коммунистов — 42, им сочувствующих — 12, левых эсеров — 38, им сочувствующих — 47, а на следующем съезде в сентябре было 108 коммунистов и лишь 4 левых эсера.

Но в ряде случаев коммунисты не отказывались от дальнейшего сотрудничества с наиболее лояльными элементами бывшей левоэсеровской партии, учитывая их искреннюю заинтересованность в таком сотрудничестве. Так было, например, в Кунгурском уезде. В работе уездного съезда Советов 17 сентября принимали участие 111 коммунистов-большевиков и 76 «народников-коммунистов». И те и другие вошли в состав вновь избранного исполкома¹. Совместная деятельность представителей этих партий в советском аппарате продолжалась также в Красноуфимском и Осинском уездах.

Столкнувшись с фактом открытого перехода соглашательских партий в лагерь контрреволюции, передовая часть трудящегося крестьянства потянулась к большевикам. Заметно увеличиваются количество и численность деревенских организаций партии. В Усольском уезде к концу осени 1918 года было организовано 49 партийных ячеек, из них 22 деревенских. В Пермском уезде в середине декабря насчитывалось 33 партийных ячейки. По самым приблизительным подсчетам, общее количество одних только волостных партийных организаций в Пермском, Оханском, Осинском, Чердынском, Верхотурском, Кунгурском, Соликамском, Красноуфимском и Усольском уездах Пермской губернии составляло в декабре 1918 года 136. Для

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 591, л. 79.

сравнения можно указать, что в конце июля Уральский областной комитет партии зарегистрировал в уездах менее 40 партийных ячеек. Численность деревенских партийных ячеек иногда была довольно значительной. Так, в Оханском уезде во второй половине августа насчитывалось членов партии: в Усть-Бубинской волости — 300 человек, в Сепычевской — 230, в Частинской — 400, в Бурдинской — 100.

Под руководством коммунистов беднейшее крестьянство Урала все более активно вовлекалось в борьбу с контрреволюцией, оказывая пролетариату всемерную поддержку в строительстве Красной Армии, укреплении тыла, снабжении фронта всем необходимым. Вместе с тем первые уроки гражданской войны привели к определенному сдвигу влево в настроении более широких масс трудового крестьянства, в том числе и его средних слоев. На общих собраниях граждан Аспинской, Мазунинской, Березовской, Карьевской и других волостей Осинского уезда были приняты резолюции, требующие всемерной поддержки Красной Армии.

В сводке политотдела Третьей армии на 30 ноября 1918 года, касающейся политического положения в прифронтовых волостях того же уезда, указывалось следующее: «Несмотря на контрреволюционную агитацию кулачества, население в массе всюду за Советскую власть и охотно дает армии хлеб, фураж и подводы. Поступают также добровольцы в Красную Армию... В деревне Гусево все население сплошь ушло с советскими войсками и принимало деятельное участие в рытье окопов»¹. В политсводке по Кунгурскому уезду от 11 октября 1918 года сообщалось: «В занятых обратно нами волостях Осинцевской, Молебской, Урминской и части Шамарской настроение резко изменилось в нашу сторону. Крестьяне энергично приступают к созданию Советов. Комитеты бедноты начинают проводить хлебную монополию. Имущество бежавших к белым кулаков передается в распоряжение волостных Советов. Обработка полей и уборка урожая также ведется совместными силами всей волости. Из одной только Осинцевской волости агитатор Козлов обещает вывезти не меньше 100 вагонов хлеба»². То же наблюдалось и в волостях Красноуфимского уезда, освобожденных советскими

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 722, лл. 290, 291.

² Там же, л. 168.

войсками в сентябре 1918 года. Немалая часть трудящегося крестьянства волостей и уездов, оказавшихся в зоне активных военных действий, добровольно поддержала Красную Армию. В Осинском уезде добровольческая мобилизация крестьян, объявленная с 15 по 24 августа 1918 года, дала 678 человек. К концу октября только одна Рябовская волость, где проживало всего около 19 000 человек, дала не менее 1000 добровольцев, Крюковская волость за 4 дня мобилизации выставила 185 добровольцев, Богомягковская — 402 и т. д. В Невьянском районе из добровольцев были сформированы два батальона численностью в 500 и 350 человек. Кроме того, при волостных советах организовались резервные крестьянские дружины по 350—400 бойцов в каждой. Крестьянство этого района охотно выполняло все распоряжения советских властей, активно участвовало в ремонте дорог и тракторов, рытье окопов, перевозке воинских грузов, раненых и т. д.

Растущая политическая активность трудящегося крестьянства Урала особенно ярко проявлялась в добровольной помощи фронту. В День Красной Армии, отмечавшийся 15 сентября 1918 года, на Урале начался сбор денег, вещей и продовольствия для фронта. Уральский обком РКП(б) организовал на местах специальные комиссии — «краснодары», которые собирали добровольные пожертвования трудящихся и комплектовали из них подарки Красной Армии. К 30 ноября 1918 года в областную комиссию «краснодара» поступило 533 286 рублей 53 копейки, а кроме того, большое количество разных вещей — пальто, тулупов, полушубков, валенок, гимнастерок, брюк, теплых жилетов, башлыков, шапок, одеял, белья, овчин, шерсти, холста и т. д. Делегаты Оханского уездного съезда Советов, собравшегося в начале декабря 1918 года, вынесли постановление об отчислении в пользу бойцов Третьей армии месячного продовольственного пайка. Комитет бедноты Устиновской волости организовал среди крестьян сбор печеного хлеба и теплых вещей для фронта. 500 пудов хлеба пожертвовали фронту крестьяне Чермодинской волости. В Кулатаевской волости Пермского уезда крестьяне по предложению коммунистов решили добровольно пожертвовать 2000 пудов продовольствия. Все это наглядно свидетельствовало о том, что в массах среднего крестьянства Урала уже в первый период гражданской войны и иностранной интервенции начали обозначаться некоторые

признаки поворота на сторону Советской власти. Однако эти факты необходимо учитывать в совокупности с общей политической и военной обстановкой, которая продолжала оставаться весьма напряженной. В ходе ожесточенной борьбы с кулацко-белогвардейскими бандами, развернувшейся летом и осенью 1918 года, уральский середняк не преодолел свои колебания, активно не поддержал Советской власти, а во многих случаях оказал прямую помощь контрреволюции.

Кулацкие восстания, охватившие летом 1918 года почти весь Урал, были особенно упорными и продолжительными благодаря участию в них трудящихся крестьян, сбитых с толку контрреволюционной пропагандой. Например, в восстании, которое произошло во второй половине июля в Степановской и соседних с нею волостях Кунгурского уезда, участвовало до 10 000 крестьян¹. Судя по этой цифре, тут были, конечно, не только кулаки. Известно далее, что во многих случаях поводом для выступлений являлось изъятие хлебных излишков или мобилизация крестьян в Красную Армию. В конце августа крестьяне 12 волостей Оханского уезда отказались производить мобилизацию. Недовольство крестьян немедленно использовали белогвардейские агенты. В результате уезд оказался охваченным мощным кулацким мятежом, центром которого стала Сепычевская волость². В Красноуфимском уезде в антисоветских выступлениях, возникших в конце июля 1918 года на почве мобилизации, приняло участие крестьянское население 23 волостей во главе с кулаками села Богородское³. В одном селе крестьяне заявили на собрании представителю военкомата, призывавшему их вступить в Красную Армию и ввести военное обучение: «Война окончена, а с казаками мы воевать не будем!» Поддавшись на кулацкую провокацию, крестьяне отказывались воевать за Советскую власть и уходили служить белым.

Естественно, крестьяне, не осознавшие своего долга перед Советской властью, оказывались плохими солдатами революции. Моральный дух их был низок. Они оказывали слабое сопротивление врагу, легко поддавались панике, сдавались в плен, а то и открыто восставали и переходили с оружием на сторону противника. В сводке политотдела

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 474, л. 11.

² Там же, д. 722, л. 54.

³ ГАСО, ф. 318, оп. 1, д. 44, лл. 231—234.

Третьей армии за 14 сентября 1918 года указывалось, например, на низкую боеспособность Средне-Уральского полка, сформированного из мобилизованных крестьян Кунгурского и Пермского уездов. В одном из боев на Тагильском направлении 3-я рота полка, расправившись с командиром, перебежала к белым¹.

Политическая неграмотность деревни помогала контрреволюции в борьбе с Советской властью. Кое-где крестьяне продолжали еще верить вздорной выдумке белогвардейской пропаганды о том, что большевики являются будто бы немецкими шпионами.

Деревня проявляла огромный интерес к политике, а агитаторских сил не хватало. Особенно плохо обстояло дело с агитационной работой среди нерусского населения. Касаясь причин контрреволюционных настроений в ближайшем тылу советских войск Кунгурского направления, политотдел Третьей армии в сводке за 5 декабря 1918 года отмечал темноту преобладавшего здесь мусульманского населения и огромное влияние мулл.

Таким образом, обстановка в деревне была очень сложной. Поведение крестьянства зависело от многих причин. Но в первую очередь оно определялось, конечно, социальным фактором, принадлежностью к тому или иному общественному классу. В результате социалистической революции и деятельности комбедов уральская деревня достаточно определенно раскололась на два противоположных лагеря: крестьянскую бедноту и кулачество. Отношение их к Советской власти было также вполне определенным. Что касается середняка, то он в силу известных уже обстоятельств так и не занял твердой позиции в гражданской войне к моменту оккупации Урала белогвардейцами, хотя и извлек для себя некоторые уроки.

3. Героическая оборона

В сентябре — октябре 1918 года советские войска Восточного фронта перешли в контрнаступление. Наибольших успехов удалось добиться в районах Поволжья и Прикамья. Соотношение классовых сил здесь было несколько иным, чем на Урале. В борьбе за укрепление Советской власти пролетариат имел более сильную

¹ ПАСО, ф. 41, д. 722, л. 110.

поддержку многочисленной деревенской бедноты и малоимущих слоев среднего крестьянства. Этому во многом способствовала политика интервентов и белогвардейцев, направленная на полную реставрацию буржуазно-помещичьих порядков.

Красная Армия нанесла ряд последовательных ударов по интервентам и белогвардейцам, освободила Казань, Симбирск, Сызрань, Самару. Завершив разгром контрреволюционных сил в Поволжье, советские войска двинулись на восток по направлению к Уфе, Оренбургу и Уральску.

Благоприятно развивались события и на левом фланге Восточного фронта, в районе Прикамья, где вели наступательные бои войска Второй армии совместно с Волжской военной флотилией. 4 октября была восстановлена Советская власть в Сарапуле. Начинаются бои за овладение Ижевском. В. И. Ленин придавал серьезное значение освобождению этого крупного центра оборонного производства на Урале. В телеграмме от 20 октября, подписанной Лениным и Свердловым, главному Вацетису предлагалось принять самые энергичные меры для скорейшего подавления эсеров-меньшевистского мятежа в районе Ижевского и Воткинского заводов¹. В личной беседе с членом Реввоенсовета Второй армии С. И. Гусевым Ленин высказал пожелание, чтобы Ижевск был взят ко дню первой годовщины Октябрьской социалистической революции².

Бойцы и командиры Второй армии с честью выполнили наказ вождя. Штурм Ижевска начался утром 7 ноября. После интенсивной артиллерийской подготовки полки 2-й сводной дивизии В. М. Азина, поддержанные другими частями армии и бронепоездом «Свободная Россия», ворвались в город. К вечеру белые прекратили сопротивление и поспешно отступили из Ижевска, не успев даже вывести из строя военный завод. Нашим войскам достались богатые трофеи, в том числе 6 орудий, 60 бомбометов, 23 пулемета, несколько тысяч винтовок, броневой поезд, 30 исправных локомотивов, подвижной состав к ним и т. д.³. В. И. Ленин телеграфировал на имя командующего Второй армией: «Приветствую доблестные красноармейские вой-

¹ См. В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920). М., 1956, стр. 81.

² История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 247.

³ Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 382.

ска со взятием Ижевска. Поздравляю с годовщиной революции. Да здравствует Социалистическая Красная Армия»¹. Советское правительство высоко оценило боевую доблесть и героизм участников ижевской операции. Особо отличившиеся 3-й и 4-й стрелковые полки 2-й сводной дивизии были награждены почетными знаменами. Командиры этих полков А. И. Северихин и А. И. Чеве́рев, а также командир дивизии В. М. Азин удостоились высшего боевого отличия — ордена Красного Знамени. Разгром Ижевской группировки белых предрешил судьбу Воткинского завода, который вскоре также был освобожден Красной Армией.

Наиболее ожесточенные бои в период осеннего контрнаступления советских войск происходили на участке Третьей армии, прикрывавшей важное стратегическое направление на Пермь — Вятку — Котлас. К этому времени армия представляла собой серьезную силу. На 6 октября в составе ее пяти Уральских дивизий числилось: людей (пехота, кавалерия, артиллерия, инженерные части, бронепоезда, авиационные отряды и радиочасть) — 39 524, штыков — 23 247, сабель — 3834, пулеметов — 484, орудий — 72, бомбометов — 12, бронепоездов — 6, броневиков пушечных — 4, броневиков пулеметных — 3, аэропланов — 27. А в конце ноября 1918 года в армии насчитывалось около 35 000 штыков и сабель, 571 пулемет и 115 орудий.

К зиме 1918 года реорганизация войск Восточного фронта в основном закончилась. Определилась и структура Третьей армии, в составе которой были сформированы: из 1-й и 2-й Уральских дивизий — 29-я стрелковая дивизия, из 3-й и 4-й Уральских дивизий — 30-я стрелковая дивизия, а также 5-я Уральская дивизия, Особая Камская бригада и Особый отряд. По численности и вооружению Третья армии была самой сильной среди армий Восточного фронта. Сила ее определялась не только количеством, но и качеством, ибо почти одну треть армии составляли коммунисты.

Войска Третьей армии усилили сопротивление врагу уже в августе, когда начали сказываться результаты организационной и политико-массовой работы на фронте. Захватив Екатеринбург, белогвардейское командование пыталось организовать наступление на Пермь по кратчай-

¹ В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), стр. 81.

шему пути через Кунгур. Но эта затея оказалась нереальной. В тылу екатеринбургской группировки белых, в районе Нижнего Тагила и Егоршино, оставались крупные силы советских войск, упорно оборонявшиеся, наносящие весьма сильные контрудары. Активные действия Крестьянского коммунистического, Камышловского и других полков, оборонявших Ирбитский завод и Егоршино, расстроили оперативные планы противника, вынудили его отказаться от продвижения на Кунгур и сосредоточить внимание на удержании екатеринбургского плацдарма.

В начале августа командование Третьей армии решило организовать контрнаступление на Екатеринбург со стороны Нижнего Тагила и Режевского завода. На этих участках фронта сосредоточивались главным образом советские войска бывшего Екатеринбург-Челябинского направления, в том числе 1-й Рабоче-Крестьянский, 3-й Екатеринбургский, Волынский, 1-й и 2-й Горные полки¹. Перейдя в наступление вдоль железной дороги Нижний Тагил — Екатеринбург, наши войска захватили станцию Таватуй и двинули обходную колонну в сторону Билимбаевского завода. Одновременно Рабоче-Крестьянский полк при поддержке Екатеринбургского полка быстро продвигался к Екатеринбургу по шоссейному тракту. В результате ожесточенных боев были заняты деревни Большая и Малая Мостовка, Верхотурка, а затем под селом Балтым разгромлена 1-я чехословацкая штурмовая бригада. В течение одного дня наши части продвинулись вперед более чем на 60 верст. А когда белые оставили Балтым, Медный рудник (ныне Верхняя Пышма) и Березовск, фронт оказался на расстоянии всего лишь 7 верст от Екатеринбурга. Только ценой огромного напряжения сил противник сумел удержать город. Для этого ему пришлось снять максимум войск с Кунгурского направления и вместе с резервами перебросить под Екатеринбург. Сюда прибыло дополнительно шесть эшелонов с белогвардейскими войсками. В результате численность и вооружение екатеринбургской группировки противника увеличились на одну пехотную дивизию, два конных полка, значительное количество броневых автомобилей, пулеметов и орудий. И, тем не менее, даже с таким очевидным превосходством в силах белым не сразу уда-

¹ Эти части составляли сначала Среднюю дивизию, а после отхода из-под Екатеринбурга были реорганизованы во 2-ю Уральскую дивизию 3-й Армии.

лось ликвидировать прорыв. Ожесточенные бои за город продолжались весь август и первую половину сентября. Особенно упорно дрался 1-й Рабоче-Крестьянский полк. Под Балтымом он вел бой в течение 18 часов, потеряв 30 процентов своего состава убитыми и ранеными.

Со стороны Режевского завода героическое сопротивление белым оказал отряд, которым командовал прославленный герой гражданской войны П. Д. Хохряков. Здесь, возле станции Крутиха, на линии железной дороги Реж — Екатеринбург, отважный командир и сложил свою голову за великие идеи социалистической революции. Случилось это 17 августа 1918 года.

Чтобы вынудить советские войска режевского участка фронта к отступлению, белогвардейцы организовали мятеж в зоне расположения Волынского полка. Восстали недавно мобилизованные для доукомплектования полка, находившиеся под влиянием кулаков, крестьяне Режевской и Покровской волостей (около тысячи человек). Они открыли фронт на протяжении 18 километров и пытались обезоружить верные Советской власти войска. В бой с мятежниками вступили кадровые роты волынцев, добровольцы из Квашнинской и Коневской волостей, батальон алапаевских рабочих. Прибывшие вскоре две роты Крестьянского коммунистического полка и рота камышловцев закрыли брешь на фронте и помогли ликвидировать мятеж. Положение под Режевским заводом было восстановлено полностью.

Возвратив свои позиции под Екатеринбургом и оттеснив части 2-й Уральской дивизии к Невьянску и далее к Нижнему Тагилу, белогвардейское командование оказалось все же не в силах возобновить активные наступательные операции на главном стратегическом направлении в сторону Кунгура и Перми. Этому мешала, во-первых, боевая деятельность егоршинской группировки советских войск, которая продолжала оказывать мощное давление на оперативный тыл противника. Во-вторых, оборонявшие Кунгур части Западной дивизии, реорганизованной к этому времени в 3, 4 и 5-ю Уральские дивизии, получили очень сильное пополнение в лице соединения В. К. Блюхера, пробившегося с боями с Южного Урала.

История этой героической эпопеи такова. В июне 1918 года в районе Оренбурга было сосредоточено для борьбы с Дутовым около 20 советских отрядов под общим коман-

дованием сначала В. К. Блюхера, затем Г. В. Зиновьева. Численность отрядов составляла несколько тысяч человек. Они были отрезаны от главных сил Красной Армии.

28 июня на совещании командиров и представителей Советов было решено оставить Оренбург. Большинство командиров, в том числе Зиновьев, высказались за отвод частей в Туркестан. Блюхер развивал план выхода из окружения в северном направлении, к крупным промышленным центрам Урала для слияния с Красной Армией. Его поддержали Н. Д. Каширин и М. В. Калмыков. Произошло расчленение Оренбургской группы войск. Большая часть из них во главе с Г. В. Зиновьевым, отойдя в начале июля в район Актюбинска — Орска, продолжала борьбу главным образом с дутовцами и впоследствии послужила ядром для создания Туркестанской армии.

Судьба отрядов В. К. Блюхера, Н. Д. Каширина и М. В. Калмыкова сложилась иначе. Они вынуждены были действовать в глубоком тылу врага. 1 июля Сводный Уральский и Южный отряды под командованием Блюхера и Каширина выступили в направлении на Верхнеуральск, Белорецк. Двумя днями раньше на Стерлитамак с целью выхода к Уфе выступил отряд Калмыкова. Так было положено начало полуторатысячекилометровому легендарному рейду уральцев. В нем принял участие ряд других отрядов и частей, сформированных и до выступления белочехов и позднее в районах Верхнеуральска, Троицка, Белорецка, Стерлитамака, Баймака, Тирлянского, Богоявленского и Архангельского заводов.

В середине июля части и отряды сосредоточились в Белорецке и его окрестностях. На совещании командиров 16 июля было принято решение сформировать Сводный Уральский отряд в составе Уральского, Троицкого и Верхнеуральского отрядов (групп). Соединение насчитывало свыше 7 тысяч человек и имело на вооружении 13 орудий и более 70 пулеметов. Главнокомандующим избрали Н. Д. Каширина, план которого — идти в район Екатеринбурга через Верхнеуральск и Троицк — был поддержан большинством командиров. Предложение В. К. Блюхера и Н. Д. Томина пробиваться на соединение с Красной Армией через рабочие (а не казачьи) районы Урала поддержки в тот период не нашло. Против Сводного Уральского отряда действовали основные силы Уральского белогвардейского корпуса, которым командовал генерал-лейте-

нант Ханжин. Численность корпуса изо дня в день нарастала. К 14 июля он насчитывал 11 050 штыков и сабель при 10 орудиях, на протяжении пяти дней корпус вырос еще на тысячу солдат и казаков, а спустя две недели его численность достигла 17—18 тысяч человек.

Наступление южноуральских отрядов на Верхнеуральск началось на рассвете 18 июля 1918 года. Вспомогательный удар наносился на Тирлян с последующим выходом вдоль узкоколейки к Юрюзани. Наступление велось общим фронтом. Между главными силами, наступавшими на Верхнеуральск, и Белорецким полком поддерживались связи, их фланги обеспечивались усиленными разъездами. Уже 19 июля Белорецкий полк с приданными подразделениями под общим командованием помощника главкома Н. В. Баранова освободил Тирлян и стал вести разведывательные операции и прикрывать левый фланг Троицкого отряда. Значительно более острый характер приобрела борьба на Верхнеуральском направлении. По мере продвижения партизан на восток противник оказывал все более упорное сопротивление, вводя в бой новые пехотные и кавалерийские части.

Командир Уральского корпуса Ханжин 25 июля приказал генерал-майору Шишкину, командовавшему верхнеуральской группой войск численностью до 8 тысяч штыков и сабель, перейти в наступление. В эти дни сражение под Верхнеуральском достигло большого накала. Жестокая борьба шла за каждый перевал, за каждую высоту, в частности, за Березовую гору.

Вторгаясь в позиции врага, Уральский и Верхнеуральский отряды продвинулись до горы Извоз, что в 3 километрах от Верхнеуральска, и в ночь с 31 июля на 1 августа штурмом овладели ею. Перед советскими отрядами открылся вид на Верхнеуральск, в панике оставленный противником. Однако командование отрядов отказалось от дальнейшего наступления. В эти дни стало известно о падении 25 июля Екатеринбурга и дальнейшем отступлении частей Красной Армии на север. В отрядах были на исходе боеприпасы. Надежды на восстание в казачьих войсках и станицах не оправдались. Силы врага все еще были велики. Одной только конницы в районе Верхнеуральска он имел до 5,5 тысячи человек. Кавалерия на равнине могла действовать активней. Партизанам дальше пришлось бы сражаться в казачьих районах, население которых в то

время в основной массе поддерживало белогвардейцев. Было принято решение выводить войска из окружения через рабочие районы, как предлагали ранее В. К. Блюхер и Н. Д. Томин. На принятие этого решения повлияли и сведения о действиях в районе Богоявленского и Архангельского заводов советских отрядов и намерении их пробиваться в район Бирска.

В ночь на 2 августа части Сводного Уральского отряда стали отходить в Белорецк. В это время в прикрывавшем отход Верхнеуральском отряде совершилось крупное предательство. Командующий отрядом Енборисов, командиры кавалерийских полков Зобов и Каюков с группой офицеров и полусотней казаков перебежали к белогвардейцам. Начавшуюся было в отряде панику удалось прекратить. Бойцы отряда успешно отбивали натиск авангардных частей врага. Отряды отошли и вновь сосредоточились в Белорецке.

2 августа здесь состоялось совещание командиров. На нем был утвержден план выхода из окружения в северо-западном направлении и избран новый главнокомандующий — В. К. Блюхер (Н. Д. Каширин 26 июля был тяжело ранен). 3 августа авангард — Уральский отряд — начал продвижение по Стерлитамакскому (Уфимскому) тракту. Однако части белых, сведенные в две дивизии — 2-ю и 3-ю — и брошенные вслед за Сводным Уральским отрядом, вновь вошли с ним в соприкосновение. Возобновились ожесточенные бои нашего арьергарда с врагом. Основательно потрепав противника, арьергард Сводного Уральского отряда в ночь на 5 августа покинул город. Его исчезновение противник обнаружил только на следующее утро.

Все отряды и обозы следовали одной колонной, вытянувшись в 20—30-километровую нитку — трактовая дорога, прорезавшая горы, была единственной. Белогвардейцы стремились воспользоваться этим. Продолжая преследование, они пытались смять арьергард и боковые заслоны. Выполнение задачи по борьбе с партизанами генерал Ханжин возложил на 3-ю Оренбургскую дивизию Ончокова, усиленную некоторыми частями 2-й дивизии. Врагу казалось, что эти задачи удастся решить легко. Но его натиск успешно отбивали замыкающие части, боковые охранения Сводного Уральского отряда. Наиболее трудным был участок от Белорецка до села Макарово. Высокие

горы, кручи, камни. То там, то здесь у самой дороги разверзались пропасти. Август выдался знойным. Полуголодные бойцы обливались потом. Их мучила жажда. Недосыпали. К концу очередного перехода ноги становились точно чугунными. Но бойцы все шли и шли. Пехотинцы тянули пулеметы, надрывались, вытаскивая на горы орудия. Фланговым отрядам — в основном кавалеристам и артиллеристам — было особенно трудно, ведь они шли напрямик, через горные вершины, лесами, сбивая врага, оседлавшего тропинки и перевалы. Нередко бойцы срывались и падали в пропасть.

Рейд и боевые действия Сводного Уральского отряда осложнялись и тем, что вместе с ним следовало большое количество беженцев, по воспоминаниям очевидцев, до 2—3 тысяч человек. Это были жены, дети, родители командиров, советских работников, красноармейцев, бойцов Сводного Уральского отряда. Выйдя на равнину, беженцы стали двигаться отдельно от отрядов, параллельными проселочными дорогами.

Огромные обозы двигались и с партизанской армией. Только раненых и больных при выходе из Белорецка насчитывалось около 150, а в момент соединения с Красной Армией — не менее 450 человек.

Сводный Уральский отряд, несмотря на многочисленность его рядов, наличие массы беженцев, громоздких обозов, был хорошо управляемым соединением. В его частях проводилась большая работа по укреплению дисциплины и сплочению бойцов и командиров. Суровое осуждение и наказание ожидало тех, кто проявлял нестойкость в бою, забывал помогать товарищу. Беспощадно карали за отдельные случаи мародерства. Важным рычагом внедрения социалистического сознания и революционной дисциплины являлись специально созданные дисциплинарные органы: следственные комиссии, контрольный совет, военно-полевой и товарищеские суды.

Решающую роль в политико-воспитательной работе играли коммунисты, являвшиеся душой партизанской армии, ее цементирующей силой. По далеко не полным данным, в Сводном Уральском отряде насчитывалось несколько сот коммунистов. Партийные организации и группы проводили собрания во время стоянок и на коротких привалах. Коммунисты находились в гуще масс, ободряли бойцов в трудные минуты, личным примером вдохновляли

их на подвиги. Особенно значительной была роль коммунистов-командиров, и прежде всего самого В. К. Блюхера. По общему признанию коммунистов, его избрание главнокомандующим привело к оживлению всей партийно-политической деятельности в отрядах. Эта деятельность сплотила вокруг единой идеи, для достижения единой цели огромную массу людей различных социальных групп и национальностей. Плечом к плечу в рядах соединения сражались рабочие и городская беднота, трудящиеся крестьяне, казаки и лучшие представители интеллигенции; русские, украинцы, башкиры, татары, марийцы, чуваш, латыши, эстонцы, венгры, немцы, румыны, китайцы.

Мощь и несокрушимую волю к победе бойцов и командиров Сводного Уральского отряда почувствовали белогвардейцы в боях на горных перевалах по пути к равнине, на правобережье реки Белой. Большие потери враг понес, в частности, под Кагинским заводом 7 августа. Белогвардейцы вынуждены были отвести часть сил. Через неделю после выхода Сводного Уральского отряда из Белорецка горные тропы, перевалы остались позади. Представилась возможность преодолеть крайне опасную растянутость соединения. Но положение его оставалось тяжелым. Вражеские части продолжали наседать на арьергард, в то же время передовые подразделения все чаще сталкивались с разъездами противника в западном направлении. Предстояли новые бои. Однако впереди были не только враги, а и друзья — красноармейцы и партизаны Богоявленско-Архангельского района.

Отряды, действия которых координировались Богоявленским штабом во главе с М. В. Калмыковым, более месяца мужественно защищали Советскую власть в большом районе Уфимской губернии. Их положение становилось все труднее. С огромным нетерпением ждали они прибытия подкрепления. Блюхеровцы нанесли поражение частям стерлитамакского белогвардейского гарнизона в районе села Петровского. Оставив отряды прикрытия, они двинулись на север и сосредоточились 14 августа в районе Богоявленского завода. Части Сводного Уральского отряда, радушно встреченные трудящимся населением правобережья Белой, получили возможность отдыхать около двух суток. Одновременно происходила замена на боевых позициях местных отрядов, которые были сведены в роты, батальоны и кавалерийские сотни, а в конечном итоге —

в два полка. Таким образом, в соединении, помимо трех отрядов — Уральского (командующий И. С. Павлищев), Верхнеуральского (командующий И. Д. Каширин) и Троицкого (командующий Н. Д. Тomin), имелось два отдельных полка, подчиненных непосредственно главному и главному штабу, — Богоявленский (командир М. В. Калмыков) и Архангельский (командир В. Г. Данберг). Подсчеты показывают, что соединение, в одном из документов названное Блюхером корпусом, насчитывало до 9300 штыков и сабель, а личного состава до 10 с половиной тысяч человек (без беженцев). В отрядах и полках имелось около 100 пулеметов и 17 артиллерийских орудий. Сводный Уральский отряд способен был решать сложные задачи и имел реальную возможность вырваться из вражеского окружения. 16 августа в соответствии с уточненным и детализированным планом он начал продвижение на север, рассчитывая прорваться восточнее Уфы.

В районе трехречья — там, где сливались Сим (север) и Зилим (юг) с Белой (запад), — во второй половине августа разгорелось ожесточенное сражение между войсками Блюхера и белогвардейскими полками 3-й Оренбургской дивизии и частями стерлитамакского и уфимского гарнизонов. В. К. Блюхер расположил отряды и полки с расчетом отражения натиска врага с любой стороны. На юго-восток и северо-восток (по направлению к горному массиву и лесным дебрям) были развернуты части Верхнеуральского отряда. Белогвардейцы встречались здесь лишь на отдельных участках, и силы их были невелики. Но на западе Троицкий отряд 19 августа выдержал тяжелый бой под Ирныкшами с большим отрядом противника, скрытно переправившимся через Белую. Ночью противник покинул занятые позиции и отступил на левый берег Белой, в Сарт Наурузово.

В арьергарде находился Богоявленский полк с приданными ему двумя кавалерийскими сотнями верхнеуральцев. Арьергард, укрепившись на правом берегу Зилима, успешно отбивал атаки главных сил 3-й Оренбургской дивизии и частей стерлитамакского гарнизона вплоть до 22 августа. Только по получении приказа богоявленцы мощным ударом отбросили противника, в ночь на 23 августа отошли к реке Инзер и заняли новую линию обороны.

Наиболее сложные задачи были поставлены перед отрядом И. С. Павлищева и приданным ему Архангельским

полком. Они разгромили белогвардейцев на левом берегу Сима и 21 августа с боем овладели плацдармом на его правом берегу. Затем за 12 часов был наведен через бурный Сим мост у деревни Бердина Поляна. Части Сводного Уральского отряда, продолжая сдерживать противника, наступавшего с юга, одна за другой переправились на правый берег реки. 25 августа Уральским и Троицким отрядами при поддержке Архангельского полка были разгромлены белогвардейские войска на линии Слутка — Родники — Асканыш. Верхнеуральский отряд и переместившийся на правый фланг Архангельский полк успешно продвигались на север и северо-восток, к Самаро-Златоустовской железной дороге. Туда же направились и другие отряды.

Чтобы не допустить прорыва отрядов Блюхера через железнодорожную линию, белогвардейцы создали вокруг партизан сильное, все сжимающееся кольцо. До 28 августа шли бои местного значения. Обе стороны готовились к решающей схватке. Вечером 28 августа Верхнеуральский отряд вступил в бой с чехословацко-польскими отрядами под Иглино. Бой продолжался более суток. Общим наступлением 29 августа партизаны смяли противника и прорвались через железную дорогу восточнее Иглино на широком протяжении, вплоть до разъезда Кудеевка. Это были Уральский отряд и Архангельский полк, опиравшийся на поддержку полка М. В. Калмыкова. Часть Верхнеуральского и Троицкого отрядов упорно дралась в районе станции Шакша за железнодорожный мост через реку Уфа. Они заняли ряд населенных пунктов, однако мост захватить не смогли. Особенно героически сражались бойцы и командиры той части Троицкого отряда, которая прикрывала армию с юга и юго-запада. На рассвете 30 августа враг позорно бежал из Иглино в восточном направлении, станция и большой участок железной дороги без боя были заняты отрядом И. Д. Каширина.

На протяжении четырех десятков километров железная дорога, средства связи были выведены блюхеровцами из строя. Не теряя ни одного дня, вечером 30 августа они двумя колоннами из районов Иглино и Тавтиманово — Чуваши устремились к деревне Красная Горка (Красный Яр), что на левом берегу Уфы. Командование соединения рассчитывало вывести в этот район войска раньше, чем к нему подоспеют белогвардейцы. Близ Красной Горки пред-

полагалось произвести переправу через Уфу. Эту задачу удалось решить в ожесточенной борьбе. За полтора суток в боевой обстановке мост через полноводную реку был построен (к полудню 3 сентября). По нему переправлялись все части, находившиеся до того момента на левом берегу, обозы отрядов и беженцы. После этого арьергардом с помощью саперов мост и другие средства переправы были уничтожены.

В битве на берегах Уфы войска противника были разгромлены. Отряды В. К. Блюхера захватили много пленных, десятки тысяч патронов, пулеметы, 3 артиллерийских орудия. Сотни белогвардейцев были истреблены, утонули в Уфе при попытке спастись от преследования вплавь. Не встречая больше сильного сопротивления, Сводный Уральский отряд устремился на север.

Утром 11 сентября 1918 года авангард соединения — Троицкий отряд вступил в Аскино, от которого до линии фронта оставалось всего 25 километров. На другой день в районе деревушки Поляковка (Малое Гордино) кавалерийский эскадрон разинцев во главе с помощником начальника штаба Троицкого отряда В. С. Русяевым впервые встретился с красноармейцами — взводом 6-й роты 1-го Советского Бирского полка 5-й Уральской дивизии.

13 сентября отряды и полки двинулись к фронту и стали один за другим выходить на линию Екатеринбургско-Казанской железной дороги. По выходе в район Кунгура завершился продолжавшийся свыше двух с половиной месяцев полуторатысячекилометровый героический поход. В ходе боевых действий соединение Каширина — Блюхера разбило многие полки Уральского корпуса, польские легионы, части стерлитамакского, бирского и аскинского гарнизонов, 6-й чехословацкий, 1-й Башкирский, 13-й и 14-й Уфимские полки. В момент выхода из вражеского тыла в состав Сводного Уральского отряда входили Верхнеуральский, Белорецкий, 1-й Уральский, 17-й Уральский, Богоявленский, Архангельский стрелковые полки, 1-й Оренбургский казачий Степана Разина, Верхнеуральский казачий и Уфимский (находился в стадии формирования) кавалерийские полки, несколько отдельных кавалерийских сотен, 6 артиллерийских батарей, имевших в общей сложности 20 орудий. Силы соединения к концу похода не уменьшились, а выросли.

Выход соединения В. К. Блюхера из окружения, его

блестящие победы над белогвардейцами получили высокую оценку партии и правительства. «Переход войск тов. Блюхера в невозможных условиях, — отмечалось на заседании ВЦИКа, — может быть приравнен разве только к переходам Суворова в Швейцарии»¹. 30 сентября 1918 года В. К. Блюхер был награжден только что учрежденным орденом Красного Знамени (№ 1). Позднее правительственными наградами были отмечены Н. Д. Каширин и ряд других активных участников легендарного рейда, даже целые части.

К моменту соединения партизан с регулярными войсками на правом фланге Третьей армии, прикрывавшем подступы к Перми, обстановка сложилась так. Советские войска оказывали активное сопротивление противнику. Успешно сражалась 3-я Уральская дивизия под командованием Седора. Общая задача дивизии заключалась в том, чтобы вести наступление по железной дороге от Кунгура и Лысьвы в направлении станции Кузино, угрожая екатеринбургской группировке противника с северо-запада. 30 августа части дивизии, продвигавшиеся со стороны Кунгура, заняли станции Шалья, Сарга и Сылвенский завод. На Лысьвенском направлении бригада Рейхардта освободила от белых станцию Илим. Дивизия являлась вполне боеспособным соединением и насчитывала в своем составе 5267 штыков, 467 сабель, 161 пулемет, 18 орудий.

Напряженные бои разгорелись в районе Красноуфимска. Он удерживался советскими войсками в течение нескольких месяцев. Борьба шла не только на фронте, но и в тылу, где орудовали многочисленные кулацко-белогвардейские банды. Соотношение сил здесь было явно в пользу противника. По сведениям оперативного отдела штаба Третьей армии за 30 августа, в 4-й Уральской дивизии, сражавшейся на Красноуфимском направлении, числилось всего 1936 штыков, 387 сабель, 22 пулемета, 6 орудий. Против этих сравнительно небольших сил действовало, как видно из разведывательной сводки за то же число, более 9 тысяч белогвардейцев, которые располагали достаточным количеством конницы и пулеметов. Несмотря на столь значительное превосходство противника, советские войска вели активные наступательные действия и во второй половине августа освободили ряд крупных населенных

¹ В. Душенькин. От солдата до маршала, стр. 64.

пунктов, в том числе Нижнеартинский и Бисертский заводы. В дальнейшем они должны были, продвигаясь вдоль железной дороги в направлении на станцию Гробово, поддерживать наступление частей 3-й Уральской дивизии и вынуждать белогвардейское командование отводить войска к Екатеринбург.

В начале сентября обстановка на правом фланге Третьей армии значительно осложнилась. Противник перебросил сюда свежие части из вновь сформированной Иркутской дивизии. Под Красноуфимском появились три полка белых — Бугурусланский, Иркутский и Байкальский, по 1500 человек в каждом, на Пермском направлении сосредоточились отборные чехословацкие полки из 5-й и 6-й дивизий противника с бронепоездами и тяжелыми орудиями. Завязались ожесточенные встречные бои, в результате которых наши войска понесли огромные потери и стали отступать. 17 сентября Р. И. Берзин телеграфировал Главкому: «Шестой день подряд противник ведет интенсивное наступление на Пермь, сосредоточив крупные силы. Идут бои на всем фронте Третьей армии, наши потери тяжелые: в пехотных полках осталось в ротах только по 10 человек. Наступают только чехословаки и казаки. Вчера после ожесточенных боев наши части вынуждены были оставить Красноуфимск»¹. В дальнейшем численность неприятельских сил на данном участке фронта продолжала непрерывно возрастать. В разведывательной сводке начальника оперативного отдела штаба Третьей армии за 25—31 октября сообщалось, что в районе станции Кordon, селений Татарская Бырма, Березовск, Молебское противник сконцентрировал от 20 до 25 тысяч штыков. Здесь были в полном составе 2-я чешская и 1-я Сибирская дивизии, а также части 1-й и 3-й чешских дивизий. Они предназначались для решающего наступления на Кунгур вдоль линии железной дороги. На Красноуфимском направлении действовали кроме частей Иркутской дивизии 3-й казачий пластунский полк, Златоустовский горный полк, 1-й Красноуфимский добровольческий полк и отдельные мелкие отряды общей численностью примерно 15 тысяч штыков.

В такой критической обстановке выход в район Кунгура героических отрядов В. К. Блюхера имел исключительно

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 12, л. 76.

важное значение для укрепления фронта Третьей армии. Правифланговые части армии получили прекрасное пополнение. Блюхеровские отряды влились в 4-ю Уральскую дивизию, в сущности скомплектовав ее заново. На 6 октября силы дивизии исчислялись в 10 757 штыков, 1779 сабель, 131 пулемет и 22 орудия. Она стала самым боеспособным соединением Третьей армии. Это дало возможность командованию значительно упрочить позиции советских войск под Кунгуром и предпринять контрнаступление на Красноуфимском направлении. 27 сентября части дивизии контратаковали противника в районе Суксунского завода и начали продвигаться по Кунгурскому тракту к Красноуфимску. На другой день были освобождены Молебский завод, населенные пункты Брехово, Златоустовское, Сажино. Продолжая наступление, наши войска захватили большое село Ачитское и 2 октября выбили белых из Красноуфимска. В дальнейшем бои шли с переменным успехом, так как противник, подтянув крупные резервы, пытался перехватить инициативу в свои руки. 13 октября ему удалось снова занять Красноуфимск, а затем и Молебский завод. Однако 18 октября в результате ответного контрудара части 4-й Уральской дивизии вторично вступили в город и уже прочно его удерживали. Попытка белогвардейского командования перехватить Кунгурский тракт у села Татарская Бырма и тем самым отсечь красноуфимскую группировку красных от основных сил Третьей армии не увенчалась успехом. Враг так и не смог сломить наступательный порыв красных воинов, хотя продолжал сохранять крупный перевес в силах. По сведениям оперативного отдела штаба армии, против 4-й Уральской дивизии на фронте от Красноуфимска до железной дороги Кунгур — Екатеринбург действовали в конце октября 2-я чешская и Иркутская дивизии, а также отдельные чехословацкие и белоказачьи полки в составе 22 240 штыков, 1360 сабель при 104 пулеметах и более 14 орудиях.

Таким образом, соединение отрядов В. К. Блюхера с частями Третьей армии существенным образом изменило соотношение сил воюющих сторон. На правом фланге противник, несмотря на свое численное превосходство, утратил боевую инициативу. Советские войска перешли к активным действиям и надежно прикрыли подступы к Перми со стороны Кунгура и Красноуфимска.

Активные действия правифланговых частей Третьей

армии явились серьезной поддержкой войскам Второй армии, подавлявшим вооруженные выступления контрреволюции в Прикамье. В середине августа 1918 года, когда обозначились первые крупные очаги белогвардейского восстания в районе Гольяны — Сарапул по реке Каме, командарм Берзин приказал сформировать экспедиционный отряд в составе Пермской речной флотилии и боевых дружин Воткинска, Ижевска, Сарапула, Осы, Красноуфимска. Командиром был назначен Г. Палаев. Отряд получил задание действовать на стыке Второй и Третьей армий, охраняя водные и железнодорожные коммуникации советских войск и очищая тыл от мятежных банд. 21 августа в связи с антисоветским мятежом на Ижевском и Воткинском заводах, который поставил под серьезную угрозу правый фланг и тыл Третьей армии, был сформирован второй экспедиционный отряд под командованием матроса Булкина. В боях с превосходящими силами мятежников советские отряды понесли крупные потери и в значительной мере утратили свою боеспособность. Тогда командование Третьей армии выделило новые подкрепления и объединило все части в Отряд особого назначения. Командиром его стал бывший начальник штаба армии Аглок. Вскоре в распоряжение Аглока была передана Камская бронefлотилия, которой командовал интернационалист Франц Каплан. В первой половине сентября в составе Отряда особого назначения были сформированы 1-й и 2-й Камские стрелковые полки. Общая численность отряда к этому времени достигла 2838 человек. Отряд принял на себя оборону Осинского направления и своим активным движением в сторону Камбарского завода и Сарапула во многом способствовал подавлению ижевско-воткинского мятежа. В ноябре, когда развернулись решающие бои за освобождение Прикамья от белогвардейцев, Отряд особого назначения представлял собой крупную боевую единицу, способную решать важные оперативные задачи. Его силы исчислялись в 5614 штыков, 67 сабель, 50 пулеметов и 19 орудий.

С событиями в Прикамье было связано и формирование 5-й Уральской дивизии Третьей армии. Белогвардейский мятеж на Ижевском и Воткинском заводах первое время сильно дезорганизовал оборону советских войск. Под напором превосходящих сил мятежников численностью несколько десятков тысяч человек части Второй

армии, дислоцировавшиеся в районе Николо-Березовки, стали отходить на запад, по направлению к Вятским Полянам, обнажая правый фланг Третьей армии. Чтобы восстановить положение и не допустить прорыва фронта, советское командование дало указание штабу Третьей армии взять в свое оперативное подчинение остатки левофланговой группы войск Второй армии и на базе ее сформировать 5-ю Уральскую дивизию. Костяком новой дивизии послужила партизанская бригада, которой командовал П. И. Деткин. К моменту описываемых событий эта бригада, сформированная преимущественно из крестьянской бедноты Бирского, Красноуфимского и Осинского уездов, действовала как раз на стыке двух армий. В ее состав входили 1-й и 2-й Бирские полки, а также отдельные крестьянские дружины. По состоянию на 30 августа в бригаде числилось более трех тысяч бойцов. После выхода из окружения войск В. К. Блюхера на усиление 5-й Уральской дивизии был направлен Архангельский полк в количестве примерно 700 штыков и 300 сабель при 6 орудиях. Командир полка В. Г. Данберг стал начальником дивизии.

Впоследствии в составе дивизии, помимо названных частей, были сформированы 3-й Камский и 3-й Бирский стрелковые полки, 1-й Уфимский кавалерийский полк, учебный батальон, артиллерийские батареи и разные вспомогательные команды. К 20 ноября силы 5-й дивизии исчислялись в 4564 штыка, 269 сабель, 38 пулеметов. Взаимодействуя с Особым отрядом Третьей армии, части дивизии в течение сентября-ноября вели упорные бои на Осинском направлении. В этих боях выявились высокие моральные качества и стойкость вновь созданного соединения. В начале октября, например, противник атаковал наши войска со стороны Михайловского завода, но был остановлен, а затем обращен в бегство. По сообщению командарма Берзина, за два дня боев белогвардейцы потеряли на этом участке фронта до 800 человек. Пытаясь задержаться, противник силою до 10 рот пехоты 14 октября снова контратаковал части дивизии в районе Бикбардинского завода. Однако и на этот раз он потерпел поражение и вынужден был оставить ряд населенных пунктов. В дальнейшем наши войска продолжали продвигаться в юго-западном направлении от Осы, очищая от мятежников левобережье Камы. Будучи выбиты из Ижевского и Воткинского заводов, белогвардейцы перебросили часть сил против 5-й дивизии

и Особого отряда. На фронте вновь завязались ожесточенные встречные сражения. 25 ноября дивизия, измотав и обескровив противника, перешла в общее контрнаступление и значительно улучшила свои позиции. В целом правофланговые соединения Третьей армии активными действиями сковали довольно крупную вражескую группировку. На 28 октября в ее составе насчитывалось не менее 11 тысяч штыков, около 600 сабель, 17 пулеметов, 6 орудий. Две трети этих сил сосредоточивались на фронте 5-й дивизии.

После того как советские войска надежно прикрыли подходы к Перми по кратчайшему направлению через Кунгур, противник попытался добиться решающего успеха на Тагильском участке фронта, чтобы прорваться на Северный Урал по Горнозаводской железной дороге через Нижний Тагил, Лаю, Баранчу, Кушву, Чусовую. Сюда были стянуты значительные силы: 7-й и 8-й чехословацкие полки, офицерская рота, 12-й и 14-й Омские, 20-й Тюменский, 25-й Екатеринбургский, 28-й Ирбитский и другие белогвардейские пехотные полки, а кроме того, кавалерийские, артиллерийские, авиационные, пулеметные части и два бронепоезда. Всем этим силам противостояли со стороны красных 1, 2, 3-й Горные советские полки, 3-й Екатеринбургский полк и 1-й Рабоче-Крестьянский полк, составлявшие 2-ю Уральскую дивизию.

Усилив свои части Тагильского направления мощными резервами, белые во второй половине сентября разбили измотанную непрерывными боями 2-ю Уральскую дивизию, оттеснили ее к Тагилу и стали угрожать важному стратегическому пункту — станции Сан-Дonato, где Северо-Восточная Уральская железная дорога имела выход на Горнозаводскую линию. Создалось чрезвычайно опасное положение, ибо с падением Нижнего Тагила вся Егоршинская группа советских войск оказалась бы полностью отрезанной. Чтобы предотвратить неминуемую катастрофу на восточном участке фронта, командование Третьей армии перебросило под Нижний Тагил 1-й Камышловский и 4-й Уральский полки. Пока Крестьянский коммунистический полк один удерживал егоршинские позиции, снятые отсюда полки успели подтянуться к станции Сан-Дonato и с ходу ударили по врагу. В упорном сражении 22 сентября, которое длилось без перерыва почти сутки, советские войска нанесли серьезное поражение белогвардейцам,

выбили их из Нижнего Тагила и отбросили более чем на десять километров. Под Тагилом были наголову разгромлены чехословацкие полки из дивизии генерал-майора Войцеховского. После этого собственно чехословацкие части почти полностью исчезли с фронта в районе Третьей армии. Кроме того, противник потерял оба бронепоезда и много другого вооружения.

Героическая оборона Нижнего Тагила дала возможность командованию Третьей армии успешно завершить вывод частей из района Реж — Егоршино — Алапаевск и перебросить их к Кушве. Сильно поредевшие полки 2-й Уральской дивизии были слиты с 1-й и образовали сводную дивизию, которая в ноябре 1918 года стала называться 29-й стрелковой дивизией Третьей армии. Командовал этим соединением М. В. Васильев.

Между тем положение под Тагилом продолжало оставаться очень напряженным. Оборонявшие город советские войска понесли большие потери и были измотаны до последней степени. Противник же располагал еще значительными силами. В конце концов ему удалось захватить станцию Сан-Дonato, отрезав наши части от баз снабжения. А 4 октября пал Нижний Тагил. Камышловский и 4-й Уральский полки с трудом оторвались от белых и отошли к Кушве. Крестьянский коммунистический полк, отступавший к Нижнему Тагилу от Алапаевска, попал в окружение. После неудачных попыток прорваться через станцию Сан-Дonato, командование полка приняло решение идти на соединение с остальными войсками напрямик лесными тропами. Чтобы затруднить белым преследование, красноармейцы взорвали железнодорожный мост через речку Черную в районе станции Салка, уничтожили подвижной состав и все имущество, которое нельзя было унести с собой. Боеприпасы, продовольствие и раненых погрузили на подводы и тронулись в путь.

К моменту выхода Крестьянского коммунистического полка из окружения и соединения его в районе Кушвы с другими полками Сводной дивизии здесь сложилась следующая обстановка. От станции Сан-Дonato и Нижнего Тагила белогвардейские войска в составе 4-й дивизии генерала Вержбицкого и 7-й дивизии князя Голицына повели наступление в сторону Кушвы и 16 октября овладели Лайским и Баранчинским заводами. Они планировали окружить и разгромить Сводную дивизию красных, защищав-

шую подступы к Перми. Спасти положение мог только Крестьянский коммунистический полк, ибо других резервов в распоряжении советского командования не было. Командир полка И. А. Ослоповский получил приказ задержать продвижение противника на Кушвинском направлении.

Быстрый и своевременный выход войск на исходные рубежи, надежная связь, четкое взаимодействие частей, внезапность нападения и высокий наступательный порыв красных бойцов — все это обеспечило успех выполнения операции. Враг оказался застигнутым врасплох. Его огневые точки, заранее нащупанные советскими артиллеристами, были сразу же подавлены. Началась губительная паника. К полудню 21 октября 7-я дивизия князя Голицына, занимавшая Лайский завод, деревню и станцию, потерпела полный разгром и перестала существовать как боевая единица. Вскоре белые сдали и Баранчу, не оказав серьезного сопротивления. На поле боя остались трупы 1500 вражеских солдат и офицеров, огромное количество боевой техники и разного военного имущества. Избежавшие разгрома белогвардейские части откатились к Нижнему Тагилу и до конца ноября не отваживались возобновить наступление в сторону Кушвы.

Бой под Кушвой принес советским войскам Урала одну из самых блестящих побед. Большая заслуга в этом принадлежала 1-му Крестьянскому коммунистическому полку, который принял на себя главную тяжесть боя и своей стойкостью поддержал другие полки Сводной дивизии. В приказе по Третьей армии от 22 октября 1918 года об этом говорилось следующее: «Результатом беспримерной доблести 1-го Крестьянского Коммунистического полка было то, что за полтора дня мы отвоевали у противника двадцать верст, обильно залитых его кровью и в тактическом отношении дающих нам самое выгодное положение; мы взяли у врага 20 пулеметов, обоз, много амуниции и других трофеев, не считая пленных»¹. Командование Третьей армии сообщало далее в приказе, что в воздаяние воинских заслуг, мужества и храбрости, проявленных 1-м Крестьянским коммунистическим полком на полях сражения, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял постановление о награждении полка почетным Красным знаменем.

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 5, д. 8, л. 347.

27 октября в Кушве состоялось торжественное вручение награды. Знамя принял из рук специального уполномоченного ВЦИК командир первой бригады Ф. Е. Акулов и передал его И. А. Ослоповскому, а тот — А. Е. Овсянникову, лучшему бойцу полка, выделенному за выдающиеся боевые заслуги в знаменщики. Командующий Третьей армии Р. И. Берзин поздравил бойцов с высокой правительственной наградой. Выступивший с ответным словом военком А. И. Юдин вспомнил славную историю полка, не знавшего ни единого поражения, и предложил именовать его отныне 1-м Крестьянским коммунистическим полком «Красных орлов».

Для пополнения своих потрепанных частей белогвардейское командование в конце октября 1918 года перебросило на Урал отборный добровольческий корпус под командованием колчаковского генерала Пепеляева. Этот корпус в составе двух дивизий был укомплектован белогвардейскими офицерами и сибирскими кулаками. Ему предстояло действовать на Лысьвенском направлении и еще раз попытаться отрезать Сводной дивизии красных выход в район Перми. Пепеляеву удалось потеснить Особую бригаду Третьей армии и, продвинувшись на северо-запад по железнодорожной линии Бердяш — Лысьва, занять станции Унь, Кын и Кыновский завод. Отсюда белые повели наступление на Лысьву. Командование армии направило на ликвидацию прорыва 1-й Камышловский полк во главе с испытанным его командиром Брониславом Швельнисом и 17-й Петроградский полк, которым командовал питерский рабочий Захаров. Переброска этих полков из района Кушвы на Лысьвенское направление оказалась возможной благодаря тому, что Крестьянский коммунистический полк продолжал прочно удерживать свои позиции под Лаей и Баранчой, сковывая активность противника на Тагильском участке фронта.

В первых числах ноября камышловцы и питерцы, не замеченные противником, прибыли по узкоколейной дороге на Коноваловский завод, а оттуда лесом подобрались к Кыновскому заводу и неожиданно атаковали его. Довольно сильный белогвардейский гарнизон в составе 2-го Барабинского, 4-го Енисейского и 3-го Барнаульского полков после некоторого замешательства оказал яростное сопротивление. Плотный огонь вражеских пулеметов, бивших по заранее пристрелянным позициям, нанес атакующим боль-

шой урон. В Камышловском полку выбыли из строя 150 бойцов и 22 командира. Но к концу дня противник не выдержал сокрушительных штыковых ударов красных воинов и в беспорядке отступил к станции Кын. В этом бою советские войска захватили в плен 400 белогвардейских солдат, 12 офицеров и 2 полковников. Среди большого количества убитых оказался генерал. Не давая противнику закрепиться, Камышловский и 17-й Петроградский полки нанесли следующий удар по станции Кын и после упорного боя освободили ее. Здесь были захвачены огромные трофеи и среди них бронепоезд «Адмирал Колчак», вооруженный мощными пушками иностранного производства. От станции Кын советские части повели наступление дальше и с ходу захватили соседнюю станцию Унь. Движение белых на Лысьву было приостановлено.

В период осенних боев на Урале мужественно сражались с врагом многие полки и подразделения Красной Армии. Немало славных дел совершили бойцы, командиры и политработники полка имени И. М. Малышева, который считался лучшим в 3-й Уральской дивизии. После оставления Екатеринбурга малышевцы вели бои в районе железной дороги Екатеринбург — Пермь, громили противника под Сылвенским заводом, стойко обороняли станции Шаля и Шамары, прикрывая путь на Кунгур. В приказах по дивизии часто отмечалось образцовое поведение личного состава полка.

По всему Уралу шла добрая слава о героических подвигах петроградских рабочих, сражавшихся в рядах Третьей армии. На самых ответственных участках фронта дрался 17-й Петроградский полк. Он отличался классовой сплоченностью и высокой моральной устойчивостью. За блестяще проведенную операцию по взятию Кыновского завода 17-й Петроградский полк вместе с 1-м Камышловским полком был представлен к награждению почетным Красным знаменем. Так же мужественно держали себя в бою 4-й Василеостровский полк, Путиловский стальной кавалерийский полк, Питерский Красный батальон, Нарвский партизанский Красногусарский отряд и другие соединения петроградских рабочих. Особую храбрость и находчивость в боевой обстановке проявили А. Ф. Красавчиков — командир Питерского Красного батальона, бойцы и командиры 4-го Василеостровского полка Василий Коновалов, Дмитрий Непомнящий, Василий Сахаров, Иван Пост-

ников, Сергей Маломанов, Семен Боженков, командир пешей сотни Нарвского партизанского Красногусарского отряда Юрий Стагит. В ноябре 1918 года командование возбудило ходатайство о представлении особо отличившихся бойцов и командиров петроградских соединений Третьей армии к высшей боевой награде — ордену Красного Знамени.

Одним из самых ярких выражений братской солидарности трудящихся явилась боевая деятельность интернациональных частей Красной Армии на Урале. В приказе по Третьей армии от 25 ноября 1918 года были отмечены выдающиеся заслуги Эстонского Коммунистического батальона, который, прибыв в начале войны на фронт под Миассом, принимал самое деятельное участие в борьбе с силами уральской контрреволюции. Военный совет Третьей армии объявил, что областной комитет партии постановил наградить эстонских коммунистов от имени трудящихся Урала почетным Красным знаменем за боевую доблесть и мужество.

Прославили себя в боях за красный Урал китайские добровольцы. В октябре 1918 года их батальон сражался на Верхотурском направлении. В донесении начальника Сводной Уральской дивизии за 29 октября сообщалось, что «... китайский батальон, перейдя р. Актай, выбил противника из двух рядов окопов и отбросил его к Верхотурью. Отступление банд происходило в беспорядке, во время которого им нанесены огромнейшие потери»¹. В ноябре батальон пополнился добровольцами и составил полк, командовал которым верный друг Советской России Жень Фу-чен².

Каковы же основные военно-политические итоги борьбы за Урал летом и осенью 1918 года?

Прежде всего белогвардейцы и интервенты, несмотря на крупное численное и материально-техническое превосходство, не добились решающего успеха. Правда, им удалось захватить значительную часть промышленного Урала, но это стоило огромных жертв. В боях под Екатеринбургом, Егоршино, Кунгуром, на Тагильском, Кушвин-

¹ Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922). Документы и материалы, стр. 361.

² Жень Фу-чен героически погиб в боях под станцией Выя в конце ноября 1918 г.

ском, Лысьвенском, Осинском направлениях противник израсходовал большую часть резервов, предназначенных для выполнения важнейшей стратегической задачи — захвата Перми. Активное сопротивление Третьей армии облегчило наступательные операции советских войск на других участках Восточного фронта, содействовало успешной ликвидации контрреволюционных мятежей в Поволжье и Прикамье.

Однако борьба с контрреволюцией на Урале протекала при неблагоприятной в целом для Советской власти обстановке классовых сил. Именно это обстоятельство позволило противнику сохранять крупное численное превосходство, несмотря на большие потери в боях с Красной Армией. Выше уже указывалось, что мятеж чехословаков сразу же дал перевес в силах контрреволюции. В результате мобилизации трудящихся и формирования многочисленных отрядов Красной Армии, а также переброски на Урал воинских частей из центральных районов страны соотношение сил несколько уравнилось. В первых числах июля в войсках Северо-Урало-Сибирского фронта числилось 17 174 штыка, 238 сабель, 309 пулеметов и 30 орудий. Против них действовали части чехословацкого корпуса и белоказаков, кроме того, отряды белогвардейцев, кулаков, башкирских и татарских националистов, общей численностью в 20 100 штыков и сабель при 160 пулеметах и 21 орудии. Противник оказался слабее вооруженным, но сохранил свое численное превосходство. Обращает на себя внимание тот факт, что в данный момент он располагал более сильными резервами. Из указанного количества войск белогвардейцев и интервентов свыше 7 тысяч штыков и сабель находилось в тыловых районах. А резервы Северо-Урало-Сибирского фронта составляли всего около 4700 штыков.

Неравенство в силах особенно очевидно проявилось в конце августа 1918 года. К этому времени на фронте Третьей армии, насчитывавшей 18 119 штыков, 1416 сабель, 335 пулеметов и 43 орудия, противник сосредоточил 37 380 штыков, 5590 сабель, 252 пулемета, 40—42 орудия, имея, таким образом, численное превосходство более чем в два раза.

Как известно, советские войска вели активные действия на Екатеринбургском направлении и на других участках фронта, стремясь захватить в свои руки инициативу. Бои

сопровождались большими потерями с обеих сторон. Но противник все же сохранял преимущество, быстро мобилизуя новые силы. В донесении Главкому 31 августа командарм Берзин отмечал, например, что на Тагильском направлении белогвардейцы пытаются контратаковать и, хотя несут при этом огромный урон, однако непрерывно восполняют его за счет имеющихся в тылу значительных резервов.

В течение осени обе стороны продолжают усиленную мобилизацию, но общее соотношение сил по-прежнему остается неблагоприятным для Красной Армии. Правда, сражение за Нижний Тагил обошлось белым очень дорого и сильно истощило их резервы. В результате к концу сентября численность неприятельских войск сократилась до 24 130 штыков и 3780 сабель. В октябре — начале ноября Третья армия нанесла ряд мощных контрударов на Кушвинском, Лысьвенском и Кунгурском направлениях. Это также ослабило противника и вынудило его временно отказаться от наступления на Пермь. К моменту генерального наступления на Пермь силы противника исчислялись в 38 120 штыков, 3780 сабель, 268 пулеметов, 47 орудий и 7 бронепоездов. Этим силам противостояла Третья армия в составе 29-й и 30-й стрелковых дивизий, Особой бригады, Отряда особого назначения и 5-й Уральской стрелковой дивизии. В них на 1 декабря имелось всего 29 654 штыка, 4742 сабли, 638 пулеметов, 118 орудий, 8 броневиков и 4 бронепоезда. В осенней кампании советские войска тоже понесли крупные жертвы. В телеграмме на имя Главкома 18 сентября Р. И. Берзин писал, что в 4-й Уральской дивизии после оставления ею Красноуфимска от 4 тысяч человек сохранилось только три роты с батареями. В конце сентября ежедневные потери Третьей армии убитыми, ранеными и больными составляли в среднем 1500 человек.

Недостаток боеспособных резервов приходилось восполнять за счет обязательных мобилизаций крестьянского населения. Командование Уральского военного округа получило разрешение центральных советских и военных органов на проведение мобилизаций пяти возрастов во всех уездах Пермской и Вятской губерний. Мобилизацию тщательно готовили, подбирали состав комиссий, проводили обстоятельное инструктирование. Но несмотря на это, в ходе мобилизации были допущены отступления от классово-

вого принципа комплектования Красной Армии. В ее ряды попали не только неустойчивые зажиточные середняки, но и часть кулаков, которые порой концентрировались в этих частях и оказывали влияние на всю массу мобилизованных. Это обнаруживалось, когда мобилизованных передавали из резервных в боевые части.

В августе — начале сентября на территории Уральского военного округа формировались резервные Пермские и Вятские дивизии. Однако комплектование шло медленно, так как мобилизованные часто поступали непосредственно в соединения Третьей армии. 11 сентября Реввоенсовет республики изменил план формирования для округа. Ему поручалось формирование одной 10-й дивизии и двух полков для 5-й дивизии, формировавшейся в Приволжском военном округе. В связи с этим 1-й и 2-й полки Пермской дивизии передавались в Третью армию. О качестве этих частей красноречиво говорит телеграмма Р. И. Берзина Главкому 18 сентября: «В Перми стоят два полка только что мобилизованных, но элемент самый ненадежный. Среди них 75% крестьянства, а партийных почти нет. Других резервов нет»¹.

Таким образом, проблема подготовки на Урале надежных пополнений для Красной Армии решена полностью не была в результате пассивности, неустойчивости, а в некоторых случаях и прямой контрреволюционности крестьянских масс. Недостаток резервов явился главной причиной военных неудач Красной Армии в 1918 году.

4. По ту сторону фронта

К концу осени 1918 года Зауралье, Южный и значительная часть Среднего Урала оказались под властью интервентов и белогвардейцев. Опираясь на военную силу и используя в своих интересах соглашательские партии меньшевиков и эсеров, империалисты возродили на оккупированной территории дореволюционные порядки, принялись вновь эксплуатировать и угнетать трудящиеся массы.

Раньше всего контрреволюция победила в Зауралье. Здесь установилась власть Временного Сибирского пра-

¹ ЦГАСА, ф. 176, оп. 1, д. 12, л. 91.

вительства, образованного реакционной буржуазией при активном участии меньшевиков и эсеров. Это правительство взяло под свою защиту интересы торгово-промышленной буржуазии, кулачества, белогвардейского офицерства, монархистов, повело открытое наступление на завоевания социалистической революции: разгонило Советы, всюду восстанавливало старый буржуазно-чиновничий аппарат управления. Все декреты Советской власти были отменены. Началось преследование большевиков, советских и профсоюзных деятелей, революционно настроенных рабочих. Для расправы над политическими противниками буржуазии Временное Сибирское правительство ввело смертную казнь. Тысячи людей, заподозренных в причастности к большевизму, в сочувственном отношении к Советской власти, были арестованы, брошены в каторжные тюрьмы, расстреляны по приговорам военно-полевых судов или казнены на месте без всякого суда и следствия.

Одновременно велось широкое наступление на экономические и социальные права трудящихся. Временное Сибирское правительство немедленно осуществило денационализацию промышленности и торговли, отменило социальное страхование, распустило большевистские профсоюзы, фактически запретило всякие выступления рабочих против предпринимателей.

Полную ответственность за эти действия контрреволюции несли партии меньшевиков и эсеров. Соглашатели без всяких оговорок приняли реакционную программу Сибирского правительства и активно содействовали ее осуществлению. Когда, например, оккупанты принялись насаждать дореволюционные порядки и терроризировать большевиков, эсеры услужливо предложили свою помощь в качестве так называемых информаторов. Фактически информаторы явились организаторами контрреволюционных сил на местах. Они вели агитацию в пользу новой власти, информировали уездное начальство о настроении населения и обо всех антиправительственных выступлениях, помогали следственным и карательным органам выслеживать и репрессировать активных участников Октябрьской революции. В своем угодничестве перед реакцией соглашатели докатились до самого подлого предательства интересов народа.

На территории Предуралья, которая также сравнительно быстро была захвачена белогвардейцами и интервентами, утвердилась власть так называемого Комитета чле-

нов Учредительного собрания. Комуч ставил перед собой те же цели, что и другие контрреволюционные правительства, образовавшиеся под эгидой меньшевиков и эсеров в начальный период гражданской войны, то есть передачу национализированных Советской властью орудий и средств производства в частную собственность, ликвидацию системы капиталистической эксплуатации, ликвидацию социальных и политических прав трудящихся. Председатель Комуча эсер Вольский прямо заявил: «Отвергая всякого рода социалистические эксперименты, комитет считает, что капиталистический строй в настоящее время отменен быть не может. Капиталистическая промышленность должна существовать, и класс капиталистов должен иметь возможность вести промышленность»¹.

Вместе с тем в аграрном вопросе меньшевистско-эсеровские правители пытались действовать демагогическими методами, чтобы не оттолкнуть от себя крестьянские массы. Однако эта попытка встретила резкий отпор со стороны бывших земельных собственников. В деревнях Уфимской губернии начался дикий разгул кулацко-помещичьей реакции. Бывшие землевладельцы силой отбирали у крестьян свою землю, прибегая к помощи военных властей. Они жестоко мстили тем, кто активно помогал устанавливать Советскую власть, участвовал в разделе помещичьих и кулацких владений.

Господство учредиловцев держалось на массовом терроре, жертвой которого стали тысячи советских людей. Только в Уфе по политическим мотивам было арестовано с июля по ноябрь 1918 года 1355 человек. В Стерлитамакском уезде репрессиям подверглось 3,5 тысячи человек. В Златоусте белогвардейцы арестовали около 2 тысяч сторонников Советской власти². Под ударом белогвардейского террора оказалось и крестьянское население башкирских волостей, где действовали карательные банды националистов. Они всюду восстанавливали власть помещиков и кулаков, силой оружия выколачивали подати и недоимки, проводили насильственную мобилизацию в белую армию. Особенно жестоко преследовали коммунистов и вообще сочувствующих Советской власти.

¹ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. Уфа, 1966, стр. 245.

² Там же, стр. 303—304.

В полной мере социальная сущность политики соглашательства раскрылась и в деятельности так называемого Временного областного правительства Урала, которое возникло в августе 1918 года. На первых порах военные успехи контрреволюции способствовали укреплению позиций соглашательских партий, разделивших власть с кадетской буржуазией. Однако новая власть опиралась не только на штыки, но и на доверие определенной части трудящихся, которая продолжала поддерживать политические лозунги меньшевиков и эсеров. Так, в постановлении Челябинского уездного съезда крестьян, казаков, мусульман, рабочих и горожан, созванного соглашателями 5 июля 1918 года, было записано: считать главной задачей момента единение всех демократических сил и доведение страны до Учредительного собрания.

Соглашатели заняли руководящее положение в так называемых комитетах народной власти, действовавших на оккупированной территории Урала до образования областного правительства, а также в восстановленных старых органах городского самоуправления и земствах.

Что касается партийного состава Областного правительства, то он был кадетско-меньшевистско-эсеровским. Главой правительства стал кадет Иванов, его заместителем — лидер кадетской партии на Урале Кроль. Кадеты оставили за собой, кроме того, управление промышленностью, горным делом, торговлей и финансами. Соглашателям достались ведомства труда, земледелия и государственных имуществ, внутренних дел и юстиции. Таким образом, на оккупированной территории Урала сложился блок буржуазных партий, который, по замыслу империалистов, должен был способствовать консолидации контрреволюционных сил и подготовить почву для установления военной диктатуры.

Наступление реакции на демократические права трудящихся Урала после свержения Советской власти фактически возглавлялось крупной буржуазией. Программные установки последней были сформулированы официально на Уральском торгово-промышленном съезде, состоявшемся в Екатеринбурге в октябре 1918 года. Там была разработана развернутая программа полной реставрации дореволюционного режима. По вопросу о праве собственности съезд постановил: «Изданные так называемой «советской властью» декреты о национализации, муниципализации,

конфискации, реквизиции и т. д., акты отчуждения промышленных предприятий признаются не имевшими законной силы, а потому ничтожными. Все такие предприятия возвращаются их прежним владельцам или их правомочным доверенным со всеми принадлежащими им землями и лесами, рудниками и вообще всем движимым и недвижимым имуществом»¹. Съезд занял крайне реакционную позицию и в аграрном вопросе. Он рекомендовал правительству принять самые решительные меры к восстановлению частной собственности на землю, немедленно возвращению земель, лесов, недр и земельных угодий их прежним владельцам.

В принципе эта откровенно контрреволюционная программа вполне устраивала соглашателей. В своей декларации, принятой 19 августа 1918 года, Областное правительство Урала достаточно определенно заявило о намерении уничтожить завоевания социалистической революции и восстановить капитализм. В области политической жизни оно обещало ограничить демократические свободы в интересах создания твердой власти, ввести цензуру на печать, повысить избирательный ценз при выборах в Учредительное собрание, исключить армию из политики, возобновить войну в союзе с Антантой. Экономическая программа предусматривала денационализацию предприятий, сохранение 8-часового рабочего дня лишь при условии значительного увеличения норм выработки, установление размера заработной платы по соглашению рабочих с предпринимателями, свободу стачек, но зато и свободу локаутов, наконец, восстановление собственности на землю и окончательное решение аграрного вопроса Учредительным собранием. Эта правительственная декларация, которую меньшевики и эсеры сочинили вместе с кадетами, мало чем отличалась от требований крупной буржуазии, хотя и сдабривалась пресловутой идеей созыва Учредительного собрания. Проект правительственной декларации обсуждался в первых числах августа на заседаниях межпартийной комиссии. Выступивший в начале работы комиссии лидер кадетской фракции Кроль заявил, что образуемое Областное правительство Урала является временным. Оно не должно заниматься законодательной деятельностью, ибо это составляет прерогативу Учредительного собрания.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 804, л. 388.

Областное правительство призвано решать главным образом вопросы административно-хозяйственного характера. Представители партий меньшевиков и эсеров не согласились с таким заявлением. Они настаивали на более широкой компетенции правительства с тем, чтобы дать ему право немедленно, без предварительного рассмотрения и обсуждения интересов основной массы населения. Против этой поправки кадеты не стали возражать.

Пункты декларации, в которых шла речь о необходимости продолжения империалистической войны, воссоздания единой и неделимой России, ограничения политических свобод, повышения возрастного и имущественного цензов при выборах в Учредительное собрание, отстранения армии от политики, восстановления частного предпринимательства в области промышленности, торговли и финансов, привлечения в экономику иностранного капитала, возобновления прежней зависимости рабочих от заводоладельцев, не вызвали каких-либо разногласий и были приняты в кадетской редакции. Но при обсуждении вопроса о денационализации производства возникла оживленная дискуссия. Соглашатели пытались как-то ограничить власть крупного капитала, чтобы не оттолкнуть от себя рабочих. Однако кадеты заявили, что не войдут в правительство, если последнее не гарантирует немедленной и безоговорочной передачи предприятий в собственность бывшим владельцам или их доверенным лицам. Эта угроза возымела свое действие. Договорились в принципе денационализацию промышленности провести, а те предприятия, владельцы которых отсутствуют, передать в аренду государству за справедливую оплату.

Вырабатывая правительственную программу, межпартийная комиссия попыталась все же замаскировать наступление реакции, взять курс на постепенную ликвидацию некоторых завоеваний социалистической революции. В частности, она не решилась сразу провозгласить восстановление частной собственности на землю. Было принято предложение эсеров: впредь до разрешения аграрного вопроса в полном объеме Всероссийским Учредительным собранием оставить сельскохозяйственные земли в руках их фактических пользователей.

Таким образом, боязнь революционного взрыва вынуждала соглашателей в некоторых случаях действовать

осторожно, маневрировать, прибегать к методам социальной демагогии. Подобная политика имела в глазах буржуазии определенное оправдание, поскольку помогала ей, с одной стороны, поддерживать в массах соглашательские иллюзии и не допускать преждевременного обострения социальных противоречий, а с другой — укреплять свои классовые позиции, собирать силы для решающего удара по завоеваниям Октября. Однако реакция пристально следила за тем, чтобы игра в демократию не заходила слишком далеко и никоим образом не ущемляла интересов крупного капитала. В таких случаях она действовала явочным порядком, опираясь на военщину, или оказывала грубый нажим на представителей «социалистических» партий в правительстве. Те, как правило, уступали.

Прежде всего буржуазия потребовала более четко зафиксировать законодательным путем подчиненное положение трудящихся в системе производства. Идя навстречу этому требованию, Областное правительство Урала утвердило 10 сентября специальную инструкцию своим уполномоченным по управлению заводами, в которой конкретизировались пункты декларации, касающиеся рабочего вопроса. Содержание инструкции сводилось к следующему:

1) Предприятия управляются единолично; коллеги по управлению упраздняются; вмешательство рабочих в управление предприятиями не допускается.

2) Рабочий контроль хозяйственного, технического, финансового и административного характера уступает место государственному контролю, осуществляемому через промышленный комитет; органы рабочего контроля, образованные Советской властью, профессиональными союзами, цеховыми комитетами и пр., упраздняются.

3) Чисто профессиональные организации и фабрично-заводские комитеты, являющиеся выразителями потребностей и желаний рабочих и не вмешивающиеся в управление делами, разрешаются.

4) Рабочие и служащие принимаются на работу администрацией; наем через профессиональные союзы необязателен; последние могут лишь высказать свои пожелания по вопросам найма.

5) В состав заводских комитетов не должны входить лица, состоявшие в совдепах и их исполнительных комитетах.

6) В случае нарушения администрацией установленно-

го правительством трудового законодательства рабочие имеют право только указывать на это, не требуя смещения лиц администрации, удаления их с предприятия и прочее¹.

Опираясь на поддержку соглашательских партий, капиталисты развернули решительное наступление на социально-экономические и политические завоевания рабочего класса. В первую очередь они постарались расправиться с революционно настроенными рабочими, применив систему массовых локаутов. Предприниматели объявляли о закрытии предприятий и увольнении рабочих и служащих. Увольняемые получали расчет с выдачей заработной платы за две недели вперед. Но при этом учитывался аванс, выданный советскими хозяйственными органами перед эвакуацией. Он подлежал обязательной отработке. В противном случае администрация отказывалась что-нибудь выплачивать рабочим.

Локауты приняли настолько распространенный характер, что вызвали серьезное беспокойство военных властей. Например, 13 ноября представитель чехословацкого Национального Совета в специальном письме уведомил Областное правительство Урала о весьма напряженной политической обстановке, создавшейся в Нижнем Тагиле, на Высокогорском, Черноисточинском, Висимо-Шайтанском, Верхнеуткинском заводах и медных рудниках в связи с прекращением производства и увольнением рабочих. «Необходимо принять все меры к устранению безработицы, — говорилось далее в письме, — дабы не было почвы для противоправительственной агитации, находящей отклик в рабочих массах из-за острого недостатка продовольствия»². Безработица в период меньшевистско-эсеровского господства действительно достигла большого уровня. По данным управления Южно-Екатеринбургского горного округа, к концу 1918 года здесь работало 80 предприятий горно-заводской промышленности, а бездействовало по разным причинам 125 предприятий.

Что касается денационализации промышленности, то она фактически начала осуществляться сразу же после свержения Советской власти. Правда, меньшевики и эсеры ради сохранения своего политического престижа пытались помешать переходу в частную собственность

¹ ГАСО, ф. р.— 569/88 с., оп. 2, д. 34, лл. 31—34.

² Там же, ф. р.— 1952 с., оп. 1, д. 18, л. 19.

наиболее крупных промышленных предприятий или, во всяком случае, ограничить этот переход рядом формальных условий.

Однако во многих случаях буржуазия действовала явочным порядком, прибегая к помощи военных властей и минуя всякие формальные процедуры. Так, известные промышленники братья Злоказовы уведомили главноуправляющего горных дел Областного правительства Урала о том, что принадлежавшие им Исетский металлургический, пивоваренный и дрожжевой заводы распоряжением начальника гарнизона города Екатеринбурга от 5 августа были денационализированы. Как видно из других документов, Злоказовы беспрепятственно вступили во владение промышленными предприятиями, расположенными в Челябинском и Троицком уездах. В частности, Никольский и Петропавловский заводы были возвращены им опять-таки военными властями. Аналогичным образом произошла денационализация Губахинских каменноугольных копей, которые перешли в собственность прежнего владельца при содействии местного военного коменданта.

Чрезвычайное недовольство предпринимателей вызвала сложившаяся при Советской власти система социального страхования рабочих и служащих, которую соглашатели пытались сохранить в урезанном виде, чтобы использовать в своих политических интересах. Первое время после установления господства белогвардейских оккупантов на большей части территории Среднего Урала в Екатеринбурге продолжала функционировать страховая касса «Центропомощь». Но когда белогвардейская власть несколько окрепла, предприниматели прекратили уплату страховых взносов. В результате в первой половине ноября касса «Центропомощь» вынуждена была свернуть свою деятельность¹.

Уральская буржуазия настойчиво добивалась возвращения к дореволюционным порядкам, при которых социальное страхование осуществлялось главным образом, за счет самих трудящихся, а не за счет капиталистов. В области социального страхования соглашатели тоже отказались защищать интересы трудящихся и полностью капитулировали перед буржуазией.

Неспособность или, точнее, нежелание меньшевистско-

¹ ГАСО, ф. р.— 1952 с., оп. 1, д. 12, л. 25.

эсеровских правителей ограничить произвол частного капитала очень ярко проявилась в продовольственной политике. Декларация Областного правительства, как известно, предусматривала отмену продовольственной монополии, введенной Советской властью, и восстановление свободной торговли. Основываясь на этом заявлении, кулаки, торговцы, спекулянты немедленно вздули цены на хлеб и другие продукты, чем еще больше снизили жизненный уровень трудящихся масс. Председатель Камышловской земской управы в докладе на Чрезвычайном уездном земском собрании 25 августа 1918 года отметил, что по сравнению с довоенным временем главный продукт питания, хлеб, поднялся в цене с 2 до 12—14 рублей за пуд, картофель — с 50—60 копеек до 6—8 рублей за пуд, масло, молоко и другие молочные продукты вздорожали в 10—15 раз, мясо вместо 18 копеек за фунт стоит около 2 рублей. В общем итоге, по его подсчетам, стоимость основных продуктов питания увеличилась в 10 раз¹.

Обеспокоенное размахом спекуляции, сильно озлоблявшей рабочих, правительство пыталось предпринять кое-какие меры. В середине сентября оно опубликовало постановление о хлебной торговле. Оставляя в неприкосновенности свободу торговли, постановление вместе с тем вводило систему государственного регулирования продажи продовольствия и зернофуража. Крестьяне обязывались продавать хлеб и другие продукты только зарегистрированным Главным управлением продовольствия коммерческим, кооперативным или общественным организациям. Продажа должна была производиться по вольным ценам, но не выше предельных норм, устанавливаемых правительством с учетом условий рынка². Однако эта робкая попытка как-то упорядочить продовольственные заготовки встретила серьезное противодействие буржуазии. Совет съездов представителей торговли и промышленности Урала выразил резкий протест по поводу принятия упомянутого постановления. Правительству было указано, что снабжение населения является исключительно частным делом и поэтому регулирующие государственные органы необходимо немедленно упразднить. По мнению торговцев и промышленников, всякая попытка стеснить свободу частного

¹ ГАСО, ф. р.— 1951 с., оп. 1, д. 71, л. 12.

² Там же, ф. р.— 569/88 с., оп. 2, д. 25, л. 36.

предпринимательства в области продовольственного снабжения означала возвращение к социалистическим экспериментам большевиков¹.

В конечном итоге буржуазия попросту игнорировала «социалистические» мероприятия соглашателей. Она не хотела признавать никакого контроля над своей хозяйственной деятельностью даже со стороны белогвардейских властей. Спекуляция по-прежнему являлась для нее важнейшим способом наживы. В результате продовольственный кризис на Урале продолжал обостряться.

Наиболее отчетливо социальная демагогия соглашательских партий проявилась в аграрном вопросе. Областное правительство Урала из политических соображений заявило о временном оставлении захваченных частновладельческих земель в руках их настоящих пользователей. Крестьяне расценили это заявление как принципиальное признание тех аграрных преобразований, которые произошли в результате Октябрьской революции. Причем они считали своими не только бывшие помещичьи имения, но и весьма обширные земельные и лесные владения горнозаводчиков, также национализированные Советской властью.

Добиваясь денационализации заводов, буржуазия, естественно, требовала и возвращения приписанных к ним угодий. Однако она натолкнулась на упорное сопротивление крестьян. Областному правительству приходилось рассматривать многочисленные жалобы горнозаводчиков на местные органы самоуправления, которые после ликвидации Советской власти продолжали распоряжаться заводскими дачами и под давлением крестьян решительно отказывались признавать права прежних владельцев.

Позиция соглашателей в аграрном вопросе раздражала крупную буржуазию. Состоявшееся в начале октября совещание горнопромышленников Урала приняло по докладом представителей заводууправления специальное постановление, которым потребовало от правительства прекратить вмешательство органов местного самоуправления в поземельные отношения и вернуть заводовладельцам принадлежащие им лесные угодья. Горнозаводчики все более настойчиво требовали распространить на Уральскую область законы Сибирского правительства, в частности,

¹ ГАСО, ф. р.— 1952 с., оп. 1, д. 37, лл. 22, 23.

закон от 6 июля 1918 года, касающийся денационализации земли. Идя навстречу этим требованиям, военные власти попросту исключали из юрисдикции Областного правительства целые районы Урала. В сентябре к Сибири фактически были присоединены Челябинский, Златоустовский, Троицкий, а затем Камышловский, Шадринский и Ирбитский уезды¹.

Добиваясь возвращения всех экономических и политических привилегий и реставрации капиталистического строя, уральская буржуазия берет курс на установление более реакционной власти, прочно опирающейся на военную силу. Соглашатели сыграли определенную роль в планах контрреволюции. Своей демагогической политикой они сдерживали революционное движение масс и тем самым помогали реакции укрепиться у власти. Но по мере усиления контрреволюции соглашатели теряли влияние в народе. Войдя в коалицию правящих буржуазных партий, они не получили реальной власти. Меншевикско-эсеровские лидеры Областного правительства не могли проводить самостоятельную политику в интересах мелких собственников и вынуждены были делать постоянные уступки наиболее реакционным кругам торгово-промышленной буржуазии, пользовавшейся содействием военных властей. Именно военщина и являлась фактическим хозяином положения на Урале. Она бесцеремонно вмешивалась в дела государственного управления и творила грубый произвол, не желая признавать никаких законов. Подлинным исполнителем воли реакции был генерал Голицын, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти.

10 августа при управлении начальника гарнизона был создан административный отдел, который стал осуществлять функции государственной власти. После образования Областного правительства Урала генерал Голицын объявил в специальном приказе, что его полномочия как начальника гарнизона, командира дивизии и уполномоченного по охране общественного порядка и безопасности в Екатеринбургском, Камышловском и Шадринском уездах остаются в силе. Военщина присвоила себе право распоряжаться продовольственными запасами, денежными средствами, жилым фондом, поставила под свой контроль деятельность городской и земской милиции, судебно-следственных уч-

¹ ГАСО, ф. р.— 569/88 с., оп. 2, д. 15, л. 20.

реждений, ввела жесткую цензуру на демократическую печать, запретила социалистическим партиям устраивать митинги и собрания.

Главным средством утверждения на Урале экономического и политического господства крупного капитала являлся белый террор. Он был направлен в первую очередь против революционных масс, против активных сторонников Советской власти, против большевистской партии. Конкретным свидетельством классовой направленности террора является Положение о военно-следственных комиссиях, которые образовались на оккупированной территории сразу же после отступления советских войск и должны были привлекать к ответственности по законам военного времени лиц, «причастных к большевизму». В зависимости от состава преступления военные власти устанавливали и меру наказания. Участники Октябрьской революции, активно содействовавшие победе и укреплению Советской власти, добровольно служившие в рядах Красной гвардии и Красной Армии, приговаривались к смертной казни. Те, кто состоял в партиях большевиков и левых эсеров не по убеждению, а по случайным обстоятельствам, кто попал в Красную Армию в порядке обязательной мобилизации, но не дезертировал оттуда при благоприятной возможности, подвергались аресту и тюремному заключению. Виновных в совершении незначительных проступков, которые не причиняли вреда существующему режиму, разрешалось оставлять на свободе под залог поручителей и под негласный надзор властей до окончания военных действий в пределах Пермской губернии¹.

Угроза жестокой расправы нависла над широкой массой трудящегося населения, боровшейся за власть Советов в ходе Октябрьской революции и гражданской войны. В Альняшинской волости Осинского уезда было расстреляно с 10 сентября по 10 декабря 350 коммунистов, красноармейцев и членов их семей. Перед казнью они перенесли нечеловеческие пытки и истязания. После занятия железнодорожной станции Сусанна, близ Егоршино, белые казнили на месте без всякого судебного разбирательства 46 родственников красноармейцев и советских работников. В донесении уполномоченного Областного правительства по Южному району Екатеринбургского уезда главноуправ-

¹ ГАСО, ф. р.— 1951, с., оп. 1, д. 62, л. 18.

ляющему внутренних дел 15 октября описаны зверства военщины в Куяшской волости. Назначенный сюда комендантом прапорщик Арбузов, не дожидаясь следствия, лично расстреливал крестьян, арестованных за участие в разделе помещичьего имения.

В селе Михайловском, Верхотурского уезда, бедняцкое население было буквально терроризировано кулаками и белогвардейцами. Следственная комиссия арестовывала людей по малейшему подозрению в сочувственном отношении к Советской власти. Жертвами белого террора стали в первую очередь члены красноармейских семей, не исключая женщин, стариков и детей: их жестоко избивали, а затем расстреливали. Кыштымская волостная земская управа доносила правительству 17 октября, что местная следственная комиссия рассмотрела дела 111 арестованных. Многие из арестованных были преданы военному суду. Рабочие завода, говорилось в донесении, не только не оказывали комиссии содействия, а наоборот, целыми цехами выносили постановления об освобождении арестованных большевистских деятелей. Вообще аресты сторонников Советской власти приняли массовый характер. В Челябинске к ноябрю 1918 года было арестовано свыше 3 тысяч человек. По несколько тысяч арестованных томились в тюрьмах Екатеринбурга, Уфы, Оренбурга. В Ирбитской уездной тюрьме, рассчитанной на 75 мест, к октябрю 1918 года сидело 200 человек. Кроме того, военные власти приспособили под тюрьму еще два здания, куда поместили более 130 арестованных.

Белогвардейский террор был направлен в первую очередь против революционно настроенной части рабочего класса и беднейшего крестьянства, но он затронул широкие слои трудового населения, мелкую буржуазию, демократическую интеллигенцию.

Военщина не желала признавать никаких законов. Ее не устраивала даже видимость демократии, за которую ратовали соглашатели. Репрессии обрушились на профсоюзы и другие легальные организации, существовавшие под эгидой меньшевиков и эсеров. Центральное областное бюро профессиональных союзов Урала 4 сентября обратилось к белогвардейским властям с протестом против террора и насилий над рабочими и служащими. В заявлении говорилось: «Вот уже второй месяц идет со дня занятия Екатеринбурга и части Урала войсками Временного

Сибирского правительства и войсками чехословаков, и второй месяц граждане не могут избавиться от кошмара бесчисленных арестов, самосудов и расстрела без суда и следствия. Город Екатеринбург превращен в одну сплошную тюрьму: заполнены почти все здания в большинстве невинно арестованными. Аресты, обыски и безответственная, бесконтрольная расправа с мирным населением Екатеринбурга и заводов Урала производится как в Екатеринбурге, так и по заводам различными учреждениями и лицами, неизвестно какими выборными организациями уполномоченными»¹. Далее в заявлении указывается, что в тылу идет открытая война не только с большевиками, но и с рабочими, служащими, техниками и с их организациями. Тех, кто работал при Советской власти, арестовывают или увольняют, лишая средств к существованию. Местные власти держат под секвестром имущество и кассы профсоюзов, но в то же время беспрепятственно возвращают имущество представителям класса капиталистов. В заключение областное бюро профсоюзов просило правительство Урала, Сибири и Национальный Совет чехословацких войск принять все меры к прекращению незаконных репрессий.

Этот обличительный документ писали люди, которых никак нельзя заподозрить в сочувствии к большевизму. Центральное областное бюро профсоюзов Урала, образовавшееся в Екатеринбурге вскоре после захвата его чехословаками, являлось меньшевистско-эсеровской организацией и активно сотрудничало с оккупантами.

Деятельность оккупантов на территории Урала вызывала гнев и возмущение народа, ускоряла процесс революционизирования трудящихся масс. Этому способствовала и героическая деятельность подпольных большевистских организаций в тылу врага, которая осуществлялась под руководством Центрального Комитета партии. ЦК РКП(б) правильно оценил затяжной характер начавшейся гражданской войны и иностранной интервенции и уже летом 1918 года потребовал от Уральского и других местных партийных комитетов особого внимания подготовке и оставлению в тылу противника надежных коммунистов. Вопрос о налаживании революционной работы по ту сторону фронта был рассмотрен на заседаниях Уральского областно-

¹ ГАСО, ф. 570 р., оп. 1, д. 23, л. 28.

го комитета РКП(б). Члены обкома Н. Г. Толмачев, А. А. Кузьмин и другие совместно с руководителями сибирских большевиков приняли участие в создании организационного ядра из виднейших коммунистов для руководства подпольной работой в тылу. В Тюмени, захваченной противником 20 июля, остались для подпольной работы член партии с 1903 года С. А. Черепанов, член партии с 1904 года М. И. Сычев (Суховерхов), коммунисты И. С. Дмитриев, К. М. Молотов. Еще раньше перешел линию фронта в районе Екатеринбурга член партии с 1904 года А. Я. Валек. Было образовано организационное бюро РКП(б) Сибири¹. В задачи этого партийного органа входило налаживание нелегальной работы коммунистов и на Урале.

Оргбюро обосновалось в Томске и приступило к подготовке и созыву конференции подпольных большевистских организаций Урала и Сибири. Через местных коммунистов члены оргбюро провели большую работу по консолидации партийных сил в ряде городов. В Екатеринбурге этим занимался К. П. Ильмер, в Кургане и Челябинске — В. С. Митряев, в Тюмени — С. А. Черепанов (в августе он был схвачен белогвардейцами и погиб). В результате проделанной работы в начале сентября 1918 года в Томске была созвана нелегальная конференция РКП(б). В ней участвовали представители двух уральских городов — Екатеринбурга (К. П. Ильмер) и Челябинска. Конференция приняла важные решения, определила задачи, стоявшие перед большевистским подпольем. Главной из них была подготовка и проведение вооруженного восстания рабочих, солдатских и крестьянских масс для свержения контрреволюционной власти и восстановления власти Советов. Конференция, получившая название 1-й Сибирской подпольной конференции РКП(б), образовала областной подпольный комитет. К. П. Ильмер был избран кандидатом в члены обкома РКП(б) и остался в Томске.

Под руководством Сибирско-Уральского подпольного центра работа коммунистов на местах оживилась. Укреплялись существующие и возникали новые организации, повышалась активность коммунистов. А. Я. Валек, вернув-

¹ ЦПА ИМА, ф. 124, оп. 1, д. 597, л. 5; К. Молотов. Контрреволюция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов, 1921, стр. 17.

шийся в первых числах октября 1918 года из Сибири, информировал ЦК партии и правительство о работе конференции, об исключительно боевом настроении коммунистов-подпольщиков. «Коммунисты,— писал А. Я. Валек,— усиленно готовятся к вооруженному восстанию, чтобы сделать свой сибирский Октябрь»¹.

В Екатеринбурге при его эвакуации 25 июля 1918 года Уральский обком партии оставил для подпольной работы довольно большую группу коммунистов: В. Д. Тверитина, К. П. Ильмера, К. П. Чудинову, А. Н. Никифорову, И. К. Климентьева, Г. Л. Ульман, В. П. Мельникова и других. Заблаговременно был создан склад оружия. В городе оказалось немало коммунистов, которые по тем или иным причинам не успели эвакуироваться. Предстояло установить связь между ними, создать городской центр, начать организованную работу.

Но обстоятельства сложились крайне неблагоприятно для работы коммунистов Екатеринбурга. В. Д. Тверитин 30 июля был схвачен белогвардейцами и казнен. Было арестовано еще несколько человек. Некоторым из них удалось освободиться, но оставаться в городе становилось опасно, пришлось его покинуть. Организацию в то время создать не удалось. К концу осени стихийно возникает несколько мелких групп из случайно оставшихся в городе коммунистов и бывших красноармейцев. Активней других была группа во главе с В. А. Шепелевым — членом партии с 1905 года. Подпольщики действовали на заводах Верх-Исетском, Ятеса, фабрике Макарова и других предприятиях, среди железнодорожников. Побывавший осенью 1918 года в городе коммунист С. Малышев сообщал: «В Екатеринбурге все рабочие на стороне Советской власти, в особенности процветает организация на заводах Ятеса и Верх-Исетском»².

Уральский областной комитет РКП(б), местные организации оставили для подпольной работы организованные группы еще в ряде городов и поселков. Так, в районе Алапаевска была оставлена группа активных коммунистов в 18 человек во главе с Е. А. Соловьевым. В октябре эта группа была обнаружена белогвардейцами. Отбив нападение карателей, подпольщики уничтожили свою базу, а за-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 1421, лл. 64—65.

² Там же, д. 506, л. 32.

тем разошлись в разные стороны. Некоторые направились в Алапаевск, но там почти все погибли. Другие уехали в Сибирь. В самом Алапаевске тоже обосновалось несколько подпольщиков. Это были коммунисты и передовые рабочие А. И. Кабаков, П. Г. Протопопов, И. Карелин, Рожин, Митрофанов и другие. Руководил ими член партии П. Д. Бессонов, который впоследствии героически погиб. Но подпольная работа продолжалась. На предприятиях удалось создать конспиративные группы, в которых преобладала рабочая молодежь. Стала налаживаться революционная пропаганда и среди солдат местного гарнизона.

В Сысертском заводе по заданию партийных органов остались и работали большевики В. И. Печерский, М. В. Чуркин, С. А. Глазырин, Ю. В. Антропова; в Камышлове — О. В. Панова, Г. П. Волкомиров и другие.

Нередко подпольные группы возникали стихийно из случайно оказавшихся в тылу врага коммунистов и красноармейцев. Такие группы возникли в Березовском, Михайловском, Ревде, Шадринске, Ирбите.

Однако подполье на Среднем Урале летом и осенью 1918 года не было оформлено организационно и работа подпольных групп не получила еще значительного размаха. Она выражалась прежде всего в агитации среди населения, срыве мобилизации в белогвардейскую армию, в раздаче денег семьям советско-партийных работников, красноармейцев, в оказании помощи политзаключенным, в организации саботажа на предприятиях.

Более интенсивной была деятельность большевистского подполья в Уфимской губернии, особенно в ее восточной, горнозаводской части и в Уфе. Перед эвакуацией Уфы здесь осталось для подпольной работы немало стойких и опытных членов партии. В их числе были братья И. И. и А. И. Шеломенцевы, И. А. Вавилов, Ф. И. Карклин, который стоял во главе латышских коммунистов. Эти люди составили ядро подпольной организации. Но сложилась она не сразу.

В августе 1918 года в городе действовало несколько подпольных групп. Примерно в октябре в Уфу по заданию политотдела Пятой армии прибыл опытный коммунист и конспиратор, бывший рабочий железнодорожных мастерских М. А. Чистяков. Он устроился в этих мастерских слесарем под фамилией Митрошкина. Чистяков быстро установил связь со всеми подпольными группами железно-

дорожников и вместе с прибывшими в город старыми коммунистами Ф. И. Локацковым и М. П. Локацковым сплотил их в единую организацию. Были установлены контакты с латышской организацией и другими продолжавшими возникать группами. В конце сентября 1918 года белогвардейские агенты отмечали, что подпольная работа проводилась на пароходе «Пальма». Ее возглавлял помощник машиниста И. П. Кутузов. В отсутствие начальника «военно-политической охраны» Кутузов провел тайное собрание команды и находившихся на пароходе солдат, призывая к «неповиновению офицерам, властям». Среди матросов распространялась большевистская литература. Коммунисты-подпольщики действовали на заводе Гутмана, на электростанции, среди печатников, военнопленных и солдат белогвардейских частей.

Назрела необходимость организовать в Уфе единый подпольный центр. Он был создан в виде комитета, в который вошли Ф. И. Карклин, Ф. И. Локацков, М. А. Чистяков и другие. Председателем комитета избрали Ф. И. Карклина.

Уфимская организация много внимания уделяла помощи политзаключенным, агитации на предприятиях, в воинских частях. Выпускала листовки и прокламации. Латышские коммунисты печатали листовки в местных типографиях ночью, используя для этой работы вовлеченных в организацию печатников. Две листовки были отпечатаны большим тиражом — по 2 тысячи экземпляров каждая. Уфимские коммунисты стремились развернуть работу в некоторых заводских поселках. Летом и осенью 1918 года подпольные группы или отдельные коммунисты работали в Богоявленске, Белорецке, Бирске, Благовещенске, Белебее. В Златоустовском уезде и восточной части Уфимского уезда действовали многочисленные активные подпольные организации. Уфимская организация поддерживала с ними связь.

В Златоусте подпольная группа организовалась в момент эвакуации. Возглавили ее по поручению местного партийного комитета И. В. Теплоухов, Пудовкин и другие товарищи. Некоторые партийные ячейки, в частности железнодорожная, также оставили для нелегальной работы отдельных коммунистов, преимущественно молодых. Но единой организации в городе не существовало, она сложилась позднее. Одним из самых сильных было большевист-

ское подполье на Симском заводе. 29 сентября возле урочища Синий Камень состоялось организационное собрание симских коммунистов. Был избран партийный комитет в составе М. И. Яковлева — кличка «Уральский» (председатель), Н. К. Лаптева — «Тузлуков» (товарищ председателя), А. П. Субботина — «Бывший» (секретарь) и Г. М. Рокутова (кассир). В дальнейшем состав комитета неоднократно менялся, но фактическое руководство Симской организацией осуществляла группа в составе К. В. Рындина, И. Ф. Масленникова и прибывшего позднее по поручению Уральского обкома партии И. Ф. Салова. В результате приема в партию лучших рабочих организация к концу осени увеличилась примерно до 50 человек. Большинство коммунистов находилось на заводе, остальные — в лесу. Связь между заводом и «лесной» группой была постоянной. Коммунисты в течение осени успели развернуть на заводе активную агитационную работу, направленную на разоблачение меньшевиков и эсеров, на срыв мобилизации в белогвардейскую «народную» армию.

Еще более крупной была соседняя — Миньярская организация большевиков. Во главе ее стояли старейшие коммунисты: Ф. И. Локацков (до отъезда в Уфу), А. Н. Коковихин, М. Н. Коковихин, Я. Г. Заикин, И. Г. Шведов, М. Заикин, М. П. Сорокин, составлявшие «лесной партком» (большая часть активистов вынуждена была скрываться в лесу). Председателем комитета был избран член партии с 1905 года Г. П. Новиков. Миньярцы располагали запасом оружия и боеприпасов: 2 горных орудия с 60 снарядами, около 200 винтовок, несколько пулеметов, 40 ящиков с патронами, большие запасы взрывчатки, гранаты и другое оружие. Кроме того, они сохранили около 2 миллионов рублей, принадлежавших правлению Симского горного округа. Руководители подполья стремились к установлению связи с другими партийными организациями Урала и даже Сибири. Миньярско-Симский район был одним из наиболее крупных центров большевистского подполья на Урале. Местные организации оказывали большое влияние на обширную территорию южной части горнозаводского Урала. На Аша-Балашовском, Катав-Ивановском, Саткинском, Юрюзанском, Вязовском, Усть-Катавском и других заводах и станциях также велась подпольная работа.

На Южном Урале действовала челябинская подполь-

ная организация. В Челябинске, захваченном белочехами в самом начале войны, коммунистов оказалось много. Уже летом 1918 года они приступили к созданию подпольных ячеек на железнодорожном узле и промышленных предприятиях. В. С. Митряев, приехавший в Челябинск перед 1-й Сибирской конференцией РКП(б), застал здесь уже сложившееся ядро подпольной организации. Он выступил с докладом о положении в стране, о задачах коммунистов Сибири и Урала, подчеркнув необходимость согласования планомерной работы, сообщил о предстоящей конференции, передал приглашение на нее и явки. На конференцию был направлен делегат. В тот момент подпольного комитета в Челябинске еще не было. Но вскоре, по прибытии активных коммунистов из Омска, примерно во второй половине августа или в первой половине сентября, комитет был создан.

Видный челябинский подпольщик, хозяин важнейшей конспиративной квартиры И. В. Шмаков вспоминал, что комитет образовался в составе В. И. Гершберга (председатель, прибыл из Самары), С. А. Кривой и С. М. Рогозинского, затем в него вошли О. П. Хотеев — «Дмитрий (Язва)», Д. Д. Кудрявцев, М. С. Иванов, приехавшие из Омска, и А. Н. Зыков. Челябинский общегородской комитет быстро превратился в руководящий центр подпольной работы на Южном Урале — главным образом на территории Челябинского, Троицкого, Верхнеуральского и Златоустовского уездов.

После создания комитета в Челябинске ускорилось формирование подпольных ячеек — «десятков». Комитет проводил совещания и встречи с представителями ячеек, давал им конкретные задания по дальнейшему расширению организации за счет новых коммунистов и беспартийных передовых рабочих. Подпольные группы имелись в железнодорожных мастерских, среди движущих, стрелочников, смазчиков, на заводе Столь, на мельницах, винокуренном заводе и других предприятиях, на ближайших станциях. Сильная партийная организация возникла на угольных копях. Начали создаваться подпольные ячейки в воинских частях среди мобилизованных. Осенью 1918 года действовала подпольная организация чешских коммунистов. Челябинская организация являлась одной из наиболее крупных и боеспособных на Урале и в Сибири. В ее рядах осенью 1918 года насчитывалось не менее 100 человек.

Челябинские коммунисты создали типографию. Листовки выпускали часто, в нескольких сотнях экземпляров каждая. Их наклеивали на заборы, распространяли в цехах предприятий, на железнодорожной станции, в казармах. Представители Челябинского комитета выезжали в Екатеринбург, Курган, Омск и другие города. В свою очередь, в Челябинске бывали представители других организаций, чаще всего омской. Предпринимались меры по налаживанию работы в близлежащих городах и селах.

Таким образом, уже в начальный период белогвардейской оккупации на Урале возникла довольно разветвленная сеть подпольных большевистских ячеек, групп и целых организаций. Как указывалось выше, не все они были в должной мере организационно оформленными, законспирированными и дееспособными. Большевистскому подполью на первых порах не хватало еще опыта нелегальной работы, тесной связи с массами, единого руководства. Тем не менее отважные коммунисты-подпольщики сразу же развернули подрывную деятельность в тылу врага. Важнейшей своей задачей они считали привлечение на свою сторону широких пролетарских масс.

Чтобы расширить влияние на рабочих, большевики старались использовать легальные рабочие организации, прежде всего профессиональные, которые возникали на предприятиях по инициативе соглашательских партий. И хотя меньшевики и эсеры, находившиеся у власти, всеми силами пытались удержать за собой отсталую часть рабочего класса, все же в ряде городов и заводских поселков коммунистам удалось завоевать руководство некоторыми профсоюзными организациями. В Челябинске большевистская организация имела своих представителей в профсоюзах железнодорожников, среди работников мукомольной промышленности. Председателем профсоюза на Челябинских каменноугольных копях был коммунист, член подпольной организации Е. В. Полещук. Подпольщики руководили профсоюзами в Миньяре, Симе, Аша-Балаше и в других городах.

Профсоюзные организации, находившиеся под большевистским влиянием, возглавили стачечное движение. На первом этапе белогвардейской оккупации оно стало важнейшим средством революционной борьбы, мобилизации рабочего класса на вооруженное восстание. На Урале забастовки имели место уже летом 1918 года. Осенью количе-

ство их увеличилось. На забастовочную борьбу поднимались рабочие Уфы, Челябинска, Екатеринбурга и других городов. В большинстве случаев эти выступления были политическими, хотя рабочие, как правило, выдвигали и экономические требования.

Большую революционную активность проявили железнодорожники, они отличались лучшей организованностью, сплоченностью, во главе их стояли подпольные организации и группы. В период октябрьской железнодорожной забастовки в Сибири, которая охватила многие города и станции, происходили волнения рабочих на Урале и в Зауралье — в Челябинске, Уфе, Кургане и Тюмени. Несмотря на поражение, забастовка железнодорожников сыграла большую роль. Она была первым крупным выступлением рабочих за время белогвардейской оккупации и способствовала дальнейшему росту организованности и политической зрелости рабочих. Врагу был нанесен сильный удар: затормозилась переброска войск, оружия, боеприпасов и снаряжения на фронт, что облегчило положение Красной Армии. Выступления рабочих продолжались и впредь. Организованно прошла забастовка челябинских рабочих в честь первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, длившаяся с 7 по 13 ноября. Она была подготовлена и проведена под руководством Челябинского подпольного комитета.

Летом и осенью 1918 года революционная борьба пролетариата в тылу врага еще не приобрела массового характера. Ей недоставало необходимой организованности, упорства и политической остроты. Но выступления рабочих оказывали революционизирующее воздействие на широкие массы трудящихся, в особенности на крестьянство, побуждая их усиливать отпор наступлению буржуазной реакции. Это создавало благоприятные условия для деятельности большевистской партии в деревне.

Подпольная работа среди крестьянства встречала большие трудности. Широкие слои трудящихся крестьян длительное время находились под влиянием эсеров. После отступления Красной Армии осталось очень мало коммунистов. Многие из оставшихся партийных и советских работников были расстреляны белогвардейцами или брошены в тюрьмы. Немногочисленные подпольные группы сельских коммунистов и сочувствующих им крестьян действовали обособленно и разрозненно. Но по мере установления и

укрепления связей с городскими подпольными организациями, по мере активизации батраков и бедноты, включившихся в революционную борьбу, подпольная работа в деревне приобретала все более систематический характер. Этому особенно благоприятствовали определенные сдвиги в сторону Советской власти, наметившиеся в среднем крестьянстве.

В уральской деревне, как и в городе, большевистское подполье возникало по-разному. В редких случаях здесь при эвакуации оставлялись для подпольной работы коммунисты. Так, близ Нижней Синячихи (около Алапаевска) была благоприятно оставлена такая группа из 22 коммунистов (В. Д. Харлов, Г. А. Заякин, С. А. Шалаев и другие). Группа была хорошо вооружена, имела винтовки, револьверы, гранаты и находилась в лесу на партизанском положении, поддерживая связь с подпольщиками села. Обычно же подпольные группы в селах создавали по собственному почину не успевшие почему-либо эвакуироваться активисты или попавшие в окружение красноармейцев. К ним примыкали городские коммунисты и рабочие, бежавшие сюда от преследования белогвардейцев.

Летом и осенью 1918 года подпольная работа велась во многих сельских местностях: в Златоустовском, Уфимском и Бирском уездах Уфимской губернии, в районах Оренбурга, Бузулука, Троицка, Челябинска, Карабаша на Южном Урале, близ Екатеринбурга, Красноуфимска, Алапаевска на Среднем Урале и в других местах. Так, в 20 километрах от Усть-Катава Златоустовского уезда, в Серпиевке и других селах эту работу возглавляли члены партии Ф. Е. Бахарев, А. М. Скрябинский, И. А. Скрябинский, которым удалось создать значительную подпольную организацию. Активная антибелогвардейская агитация развернулась в башкирских и татарских селах Уфимской губернии. Южнее и юго-западнее Уфы действовали подпольные группы сочувствующих большевикам, иногда возглавляемые членами партии (в Кармалах, Сафарово, Таперыше). В Челябинском уезде подпольные группы постепенно зарождались и в русских и в башкирских селах, прежде всего близ уездного центра и каменноугольных копей. В Троицком уезде большевики обосновались в Писклово, Андреевском, Рождественском и других селах. Во главе подпольной группы в Писклово стоял М. Л. Александров, позднее установивший связи с троицкими коммунистами.

В районе Бузулука революционная работа была налажена летом в селах Гаршино, Андреевка, Александровка и других. В подпольных организациях этих сел работали видные советские и партийные работники, в том числе А. С. Платухин, бывший до захвата уезда белогвардейцами членом Бузулукского ревтрибунала. Подпольщики уходили с крестьянами в поле и на полевых станах проводили беседы на политические темы, призывая уклоняться от мобилизации. При возможности они нарушали связь по тракту Бузулук — Уральск.

В Екатеринбургском уезде Пермской губернии самыми значительными, связанными с челябинской организацией, были подпольные группы в селах Рождественской волости — Тютнярах, Кузнецком и других. С августа 1918 года начала работу подпольная организация в деревне Луговая, Камышловского уезда, во главе с рабочим, членом партии с 1917 года Ф. Ф. Ордынским. Имелись подпольные группы в Шадринском уезде, в частности в селе Ичкинском, Водениковской волости.

Уже в первые месяцы белогвардейской власти сельские подпольщики под руководством городских организаций, а чаще всего самостоятельно проделали среди крестьян значительную работу. В отдельных случаях предпринимались шаги по созданию партизанских отрядов и развертыванию организованной вооруженной борьбы с оккупантами. Как видно из донесения властей, подпольная группа села Ичкинское, Шадринского уезда, во главе с О. Баринцевым в ночь с 21 на 22 августа 1918 года на тайном собрании решила «просить у власти оружие якобы для защиты крестьянства от большевиков», а в действительности для «борьбы с Временным правительством» и чтобы «мешать мобилизации». Белогвардейцы заранее знали о существовании подпольной организации и готовящемся собрании. Здание, где оно проходило, было окружено, и только некоторым подпольщикам удалось вырваться из окружения. Несколько человек тут же было расстреляно, другие брошены в тюрьму. В отдельных районах Урала действовали небольшие партизанские отряды и группы. В дальнейшем многие из них влились в партизанское соединение В. К. Блюхера.

Подпольщики использовали каждую возможность, чтобы срывать мероприятия белогвардейских властей в деревне. Под их влиянием массы крестьянства отказывались от уплаты непосильных податей, поставок для белогвардей-

ской армии продовольствия и фуража, денег и лошадей, боролись против восстановления помещичьего землевладения. Эта борьба захватила ряд районов Южного Урала, в частности Усы-Степановскую, Новотроицкую, Байкинскую и другие волости Бирского уезда. Особенно упорно крестьяне противились насильственным мобилизациям. Новобранцев не давали подчас целые села и волости. В отдельных случаях крестьяне открыто заявляли, что не желают служить в антинародной армии и сражаться против советских войск. Но чаще они прибегали к скрытым формам отказа от мобилизации. Например, общее собрание крестьян башкирских и русских деревень Московской волости Бирского уезда 14 ноября 1918 года решило согласиться на мобилизацию «только тогда, когда будут мобилизовать весь Бирский уезд от 18 до 45 лет, оставляя только раненых»¹. Разумеется, такой поголовной мобилизации белогвардейцы проводить не могли. Некоторые крестьянские сходы под воздействием большевистской агитации требовали вооружить мобилизуемых «на местах»². Во многих деревнях крестьяне требовали выдачи удостоверений о том, что они не добровольцы, а насильно мобилизованные. Белогвардейцы запрещали местным властям выдавать такие удостоверения. Крестьяне использовали это как предлог для отказа от явки по мобилизации.

Следует заметить, что в ряде районов Урала сравнительно рано обозначился кризис политики соглашательства. В многочисленных донесениях правительственных уездных и районных организаторов-агитаторов говорилось о скептическом отношении крестьян к идее Учредительного собрания. Вот одно из таких донесений: «У многих существует симпатия к Советской власти... В их глазах идея Учредительного собрания скомпрометирована, воспринимается с большим трудом. Рабоче-крестьянское правительство для них яснее. В беседах часто делается сопоставление земских управ с Советами крестьянских депутатов, причем о последних говорят, как о более демократических, и с большими к ним симпатиями»³. Процесс революционизирования масс был особенно заметным в западной части Башкирии, где основной социальной силой являлись пролетар-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 673, оп. 1, д. 7, лл. 79, 94, 97, 123.

² Там же, ф. 260, оп. 1, д. 4, л. 825.

³ З. А. Аминев. Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии, стр. 309.

ские и полупролетарские слои деревенского населения. Повсеместное восстановление помещичьего землевладения объективно означало полное банкротство меньшевиков и эсеров в аграрном вопросе. Вера крестьян в Учредительное собрание была подорвана коренным образом. Это предопределило новую расстановку классовых сил в пользу Советской власти и сыграло важнейшую роль в последующем ходе гражданской войны, когда Красная Армия предприняла успешное контрнаступление на Уфимском направлении Восточного фронта.

Особенно большой размах приобрело революционное крестьянское движение в деревнях и селах Зауралья. Наибольшее возмущение крестьян вызывала здесь политика оккупантов в аграрном вопросе. Постановление Сибирского Временного правительства от 6 июля 1918 года, как известно, фактически предусматривало денационализацию земли и возвращение всех частных владений бывшим собственникам. Но крестьяне отказались признать это постановление. Они продолжали придерживаться аграрного законодательства Советской власти, требовали уравнительного распределения земли и весьма враждебно встречали претензии владельцев и крупных арендаторов, спешивших восстановить свои частнособственнические права.

В начале августа 1918 года Курганский уездный комиссар телеграфировал в Омск Сибирскому Временному правительству: «Настроение крестьян в районе расположения частновладельческих земель крайне враждебное. Опять начинаются захваты частновладельческого скота, изгнание владельцев заимок и поджоги последних...»¹. Крестьяне выступали против земельных собственников и поддерживавших их властей, за самовольную национализацию земель, сенокосных угодий, казенных лесов и т. д.

Другой своей стороной крестьянское движение сопротивления было направлено против налоговой политики белогвардейского Сибирского правительства. Налоговый гнет тяжелым бременем ложился на плечи трудящихся. Помимо оброчной и поземельной податей за текущий год, оккупанты принялись взыскивать старые недоимки, начиная чуть ли не с 1914 года. Общий размер налогов по 8 уездам Тобольской губернии был определен на 1918 год

¹ Ученые записки Тюменского педагогического института, № 5, вып. 2. Тюмень, 1958, стр. 51.

в сумме 5 798 653 рубля, причем почти половину суммы составляли недоимки. Знаменательно, что крестьяне не просто отказывались платить налоги, а порой требовали привести налоговое обложение в соответствие с земельным обеспечением и доходностью хозяйства. Белогвардейские власти очень нервно реагировали на такие требования, справедливо усматривая в них попытку возродить советскую систему подоходно-прогрессивного обложения. В Черниковской волости крестьяне решили обложить повышенным сбором кулаков. Уездный комиссар, узнав об этом, направил волостной земской управе и начальнику милиции телеграмму, в которой предложил «...немедленно прекратить произвол, приняв все меры вплоть до ареста виновных». Таким образом, оккупантам приходилось применять часто военную силу, чтобы заставить население вносить налоги. Но даже и это не всегда помогало. К январю 1919 года в губернии было собрано с помощью принудительных мер только $\frac{2}{3}$ намеченной суммы, а в некоторых уездах, мало доступных для карательных отрядов, — и того меньше.

Чрезвычайно сильное недовольство трудящихся вызывали мобилизации в белую армию. Отказ отбывать воинскую повинность обычно мотивировался тем, что Сибирское правительство не имеет твердой власти, что оно не народное, не законное. Резко отрицательное отношение к мобилизации выразили крестьяне Тюкалинского уезда. Они прямо заявили: «Мы в белую гвардию и армию не пойдем!»¹. В конце августа 1918 года начальник местного гарнизона доносил в Тобольск, что пять волостей во главе со своими бывшими большевистскими председателями вынесли постановление не давать новобранцев. Дело дошло до вооруженного восстания против власти Сибирского правительства. Восстание было возглавлено группой большевиков-подпольщиков, которая действовала по заданию омской партийной организации. Подпольщикам удалось вооружить ружьями и винтовками около 400 человек и создать из них партизанский отряд. Белогвардейское начальство, узнав о восстании, послало в уезд карательный отряд, но партизаны разгромили его. Только с помощью новых подкреплений карателям удалось усмирить восставшие деревни. Однако борьба не прекратилась. В день явки мобилизованных на сборный пункт в Тюкалинске крестьянский отряд ворвал-

¹ Ученые записки Тюменского педагогического института, стр. 69.

ся в город, окружил казармы, занял почту и телеграф. Среди прибывших призывников провели разъяснительную работу, и те разошлись по домам. Мобилизация была окончательно сорвана. Теперь уже местные власти двинули против крестьян крупные силы. Расправа была чрезвычайно жестокой. Карательные отряды рыскали по всему уезду, устраивая массовые истязания, расстреливая на месте без всякого суда и следствия наиболее активных участников восстания¹.

Подобные события происходили и в других уездах. Ирбитский уездный комиссар докладывал губернскому начальству следующее: «Мобилизация была принудительной. В тех волостях, где некоторые общества высказывались против обязательной мобилизации, а только за добровольческий набор, применялись репрессии со стороны военных властей, на этой почве произошло несколько печальных столкновений»². В Тобольском уезде к 31 августа явились новобранцы из 20 волостей, хотя и не все (недобор составил 30 процентов), а из 19 волостей не явились совсем. В Ишимском уезде мобилизация была проведена только в 25 волостях из 46. И никакие репрессии, никакие карательные меры, к которым широко прибегали белогвардейские власти, не помогли.

Однако крестьянское революционное движение, развернувшееся в Зауралье летом и осенью 1918 года в ответ на наступление белогвардейской реакции, было также недостаточно массовым и организованным. Его главной движущей силой явились крестьяне-переселенцы и солдаты-фронтовики, то есть преимущественно бедняцкие слои деревни. Что касается середняков, то хотя они в ряде случаев и выступали вместе с беднотой, но в целом еще не созрели для активного участия в борьбе с контрреволюцией.

В районах Среднего и Северного Урала передовая часть трудящихся под руководством большевиков вела активную борьбу против наступления эксплуататоров, против насильственных мобилизаций в армию и других мероприятий белогвардейских властей. Это отмечалось в агентурных донесениях штаба Третьей армии, политических сводках армейского и дивизионных политотделов за сен-

¹ П. И. Рошеский. Гражданская война в Зауралье. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1966, стр. 153—154.

² Ученые записки Тюменского педагогического института, стр. 70.

тябрь — ноябрь 1918 года. В них говорится об антиправительственных выступлениях рабочих, о революционном брожении среди бывших солдат-фронтовиков, о недовольстве даже мелкой городской буржуазии произволом военных властей и чрезмерными налогами, которые поглощали большую часть ее доходов¹. Чтобы сломить сопротивление крестьян, белогвардейское начальство применяло военную силу и устраивало массовые экзекуции. Например, в одной из волостей Екатеринбургского уезда за отказ от мобилизации, объявленной 21 октября, карательный отряд белочехов выпорол все население.

Борьба трудящихся против оккупантов не могла быть не отмечена и в белогвардейских документах. Так, в приказе уполномоченного по охранению государственного порядка и общественного спокойствия Екатеринбургского, Камышловского, Шадринского и Красноуфимского уездов генерал-майора Голицына от 2 октября упоминаются диверсионные акты на железных дорогах и линиях телеграфной связи в тылу действующей армии². Комендант Невьянского района доносил генералу Гайде о вооруженных столкновениях местных белогвардейцев с партизанскими отрядами красных, объявившимися в окрестностях Невьянска, Нижнего Тагила и Руднянского завода. В докладе председателя Кыштымской волостной управы главноуправляющему внутренним делам Областного правительства Урала 25 сентября отмечается рост антивоенных настроений среди населения под влиянием большевистской пропаганды и массовое дезертирство новобранцев³.

На оккупированной территории Уральской области движение сопротивления не получило в целом столь широкого размаха, как в Зауралье и особенно Сибири. Это объяснялось прежде всего ослаблением влияния большевистской партии в массах с уходом в Красную Армию наиболее сознательной, активной и организованной части рабочего класса и беднейшего крестьянства. Далеко не последнюю роль играла здесь социальная демагогия соглашательских партий. Пытаясь ограничить притязания крупного капитала, сохранить некоторые социальные права рабочего класса, не допустить передачи земли в руки прежних соб-

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 474, л. 27; д. 721, лл. 33—34, 37, 123, 124; д. 722, л. 272; д. 822, л. 107.

² ГАСО, ф. р.—1951 с., оп. 1, д. 18, л. 3.

³ Там же, д. 66, лл. 10, 13.

ственников, меньшевики и эсеры, сидевшие в Областном правительстве, поддерживали тем самым в мелкобуржуазных массах наивную веру в возможность сохранения демократических завоеваний без диктатуры пролетариата. Демагогическая политика соглашателей мешала многим трудящимся Урала правильно усвоить опыт гражданской войны, удерживала их от активной борьбы за восстановление Советской власти. В аграрной Сибири реакция при поддержке меньшевиков и эсеров сразу же взяла курс на полную реставрацию старых эксплуататорских порядков, а в промышленных районах Урала она действовала более осторожно, используя соглашательские иллюзии масс, постепенно накапливая силы для решительного наступления.

В сознании некоторых рабочих и особенно крестьян, сбивших с толку социальной демагогией меньшевиков и эсеров, еще прочно держалось представление о возможности соглашения с буржуазией. Испытав на себе тяжелый гнет военщины, утратив веру в Областное правительство Урала, они тем не менее не осознали преимуществ диктатуры пролетариата, и все свои надежды возложили на создание более сильной власти, способной в рамках существующего строя обеспечить твердый государственный порядок, защитить демократические свободы. Настроение этой части трудящихся выразил съезд профсоюзов Челябинского района, состоявшийся во второй половине октября. Заявив протест против террористической политики военщины по отношению к рабочему классу и его организациям, съезд призвал правительства Сибири, Урала и Поволжья приступить немедленно к образованию единой всероссийской власти, которая сумела бы не допустить массовых репрессий из-за политических убеждений, прекратить гражданскую войну, положить конец вмешательству иностранных держав во внутреннюю жизнь России¹. За создание единого Всероссийского правительства высказался двухтысячный митинг рабочих Златоустовского завода, созванный по инициативе соглашателей 4 октября. В принятой на митинге резолюции выражалась уверенность, что это правительство «встанет на путь свободной Российской Федеративной Демократической республики и твердо закрепит завоевания Февральской революции, восстановит все гражданские свободы, возродит демократические городские и земские

¹ ГАСО, ф. р.— 1951 с., оп. 1, д. 5, л. 11.

самоуправления, установит действительную охрану труда и проведет повсеместно 8-часовой рабочий день и страхование рабочих от старости и болезни, разграничит деятельность военных и гражданских властей»¹.

Следовательно, несмотря на очевидное банкротство правящих партий меньшевиков и эсеров, соглашательские иллюзии масс не были преодолены до конца. Этим, несомненно, пользовалась реакция, готовившая военный переворот и установление черносотенной диктатуры Колчака.

¹ ПАСО, ф. 41, оп. 1, д. 822, лл. 79—80.

УРАЛ БОРЕТСЯ

1. Контрреволюция наступает

Наряду с усилением интервенции на Юге России иностранные империалисты стремятся консолидировать силы восточной контрреволюции путем установления военной диктатуры царского адмирала Колчака. Сначала, как было сказано выше, они пытались восстановить буржуазно-помещичий строй в оккупированных восточных районах страны с помощью марионеточных меньшевистско-эсеровских правительств. Обещая народу «настоящую» свободу, меньшевики и эсеры в действительности способствовали возрождению самой оголтелой империалистической реакции. Это вызвало возмущение широких масс трудящихся и в конечном счете послужило одной из важных причин поражения белогвардейских армий на Восточном фронте осенью 1918 года. В результате военных неудач, а также под влиянием большевистской агитации начала быстро падать боеспособность ударной силы контрреволюции — чехословацкого корпуса. Трудящиеся чехословаки, убеждаясь в том, что их заставляют служить интересам иностранного капитала, отказывались воевать или переходили на сто-

рону Советской власти. Около 12 тысяч чехов и словаков влилось в ряды Красной Армии, чтобы вместе с русскими рабочими и крестьянами защищать первое в мире социалистическое государство¹.

Разоблачив себя как приспешников буржуазии, соглашатели оказались не в состоянии организовать серьезное сопротивление Красной Армии и подавить нараставшее революционное движение масс в тылу. Это и решило судьбу меньшевистско-эсеровских правительств, поскольку они выполнили свою вспомогательную роль, расчистив путь для открытого наступления буржуазно-помещичьей контрреволюции. 18 ноября 1918 года кадеты и монархисты при активном содействии американской, английской и французской миссий произвели в Омске государственный переворот. К власти пришел ставленник российских и иностранных империалистов черносотенный диктатор Колчак, провозглашенный «верховным правителем России» и верховным главнокомандующим всеми белогвардейскими силами.

С установлением диктатуры Колчака интервенты усилили военную помощь силам внутренней контрреволюции. Они полностью взяли на себя функции оперативного руководства, организации военно-технического обеспечения и снабжения колчаковских армий. В помощь Колчаку были двинуты крупные контингенты иностранных войск. К началу 1919 года в Сибири и на Дальнем Востоке насчитывалось около 120 тысяч интервентов². Эти силы предназначались, главным образом, для охраны коммуникаций колчаковских армий и для подавления освободительного движения в тылу белых.

Выполняя волю империалистов, Колчак стал готовиться к наступлению. Его замысел состоял в том, чтобы, отразив наступление Красной Армии по всему фронту, обрушиться превосходящими силами на Третью армию, захватить Пермь, а затем соединиться с войсками интервентов и белогвардейцев Северного фронта для общего наступления на Москву. Осуществлению этого замысла способствовало относительное затишье, установившееся на Восточном фронте во второй половине ноября 1918 года. Оно было вызвано тем, что командование фронтом не сумело до конца использовать мощный наступательный

¹ История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 185.

² Там же, стр. 334.

порыв советских войск, переоценило достигнутые в сентябре — октябре военные успехи, не учло новой расстановки сил в лагере противника. Однако Центральный Комитет партии пристально следил за событиями на Востоке. Постановление от 26 ноября, характеризуя состояние Южного фронта, в то же время отмечало недопустимость приостановки наступательных действий Красной Армии против сил восточной контрреволюции.

По указанию ЦК РКП(б) советские войска уже в конце ноября 1918 года возобновили наступательные операции, имея своей целью освобождение от оккупантов всей территории горнозаводского Урала. Наиболее активно наступление развивалось в центре и на правом крыле Восточного фронта. Действовавшие здесь Пятая, Первая и Четвертая советские армии вновь овладели боевой инициативой и начали сильно теснить белогвардейцев, стремясь захватить Уфу, Оренбург, Уральск. Что касается Второй и Третьей армий, занимавших левый участок фронта, то им в ходе общего наступления наших войск предстояло нанести концентрированный удар со стороны Сарапула и Перми по екатеринбургской группировке противника и освободить Пермь. Между тем именно на данном участке фронта, главным образом против Третьей армии, прикрывавшей Пермь, колчаковцы создали значительное превосходство в силах. В конце ноября, то есть накануне общего контрнаступления на Пермском направлении, белогвардейское командование имело приблизительно 42 тысячи штыков и сабель. В ходе боев оно продолжало наращивать силы, перебрасывая на фронт новые резервы. К 12 декабря действовавшая против Третьей армии неприятельская группировка насчитывала 47 320 штыков, 3940 сабель, 362 пулемета, 57 орудий, 8 бронепоездов.

В Третьей армии состояло всего лишь 35 тысяч бойцов. К тому же части армии растянулись по фронту более чем на 400 километров, тогда как противник располагался компактными массами, что обеспечивало крупный численный перевес на отдельных участках фронта. Так, в начале декабря против 29-й дивизии Третьей армии, насчитывавшей 7143 штыка и сабли, колчаковцы сосредоточили 14 100 штыков и сабель; на фронте Особой бригады численностью в 3359 бойцов действовали 6870 белогвардейцев.

Командование Третьей армии не сумело предупредить контрудара колчаковских войск. 29 ноября 1918 года бело-

гвардейцы предприняли массированные атаки против 29-й дивизии и Особой бригады, чтобы выйти на подступы к Перми. Бои на Пермском направлении сразу же приобрели исключительно упорный и ожесточенный характер. Несмотря на очевидное превосходство в силах, противник с большим трудом преодолевал сопротивление советских войск. В сражении у деревни Лая еще раз отличился 1-й крестьянский коммунистический полк «Красных орлов». Четыре отборных белогвардейских полка окружили советскую часть. Густые цепи противника неоднократно атаковали позиции полка, но каждый раз откатывались обратно, не выдержав огня пулеметов и встречного штыкового удара. К исходу сражения полк «Красных орлов», ведомый коммунистами, вырвался из окружения и соединился с основными силами 29-й дивизии.

Мужественно держались Мусульманский, 17-й Петроградский и Камышловский полки 29-й дивизии. Советские кавалеристы в бою под станцией Комарихой разгромили целый полк белых и захватили помимо прочих военных трофеев два орудия. В течение двух дней дрался окруженный в районе деревни Салда 1-й Рабоче-Крестьянский полк. Израсходовав все патроны, полк штыковой атакой опрокинул противника и вышел из окружения¹.

Критическое положение создалось на Лысьвенском направлении, где сражалась 1-я бригада 29-й дивизии. В ночь на 13 декабря белогвардейцы, собрав значительные силы, прорвали фронт у станции Калино. Наши части, измотанные непрерывными боями, начали отходить к станции Селянка. Тем временем противник подтянул свежие силы, чтобы нанести решительный удар. Тогда командир бригады Ф. Е. Акулов ввел в бой только что отведенный с передовых позиций 56-й Путиловский кавалерийский полк, которым командовал питерский рабочий П. М. Прокофьев. Путиловцы вышли в тыл противника к деревне Кутамышское и наголову разгромили стоявший здесь в резерве 3-й Барнаульский полк белых, захватив 2 орудия, 3 станковых пулемета, много снаряжения и обмундирования, а также 100 пленных. Из захваченных орудий и пулеметов красноармейцы открыли беглый огонь по цепям противника, наступавшим на Селянку, и по резервам, которые подходили

¹ История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 354.

со стороны Лысьвенского завода. Наступление белых было сорвано¹.

Однако силы оказались слишком неравными: 29-й дивизии противостояли 11 белогвардейских полков. В тяжелых оборонительных боях дивизия понесла огромные потери. Еще в первые дни белогвардейского наступления под станцией Выя была окружена и почти полностью уничтожена 3-я бригада дивизии. Лучшие добровольческие полки, выдержавшие самый сильный натиск вражеских полчищ, потеряли большую часть своего состава, главным образом коммунистов, политработников, командиров. Обескровленная и изможденная до последней степени 29-я дивизия отступала на запад. В первой половине декабря белые заняли Кушву, Бисер, Лысьву и вышли на ближние подступы к Перми.

В трудных условиях оказалась Особая бригада Третьей армии, прикрывавшая Пермь с севера. Под станцией Кыя бригада попала в окружение. Заняв круговую оборону, красноармейцы мужественно отбивали атаки превосходящих сил противника. Особую стойкость проявили красноармейцы 256-го Лесновско-Выборгского полка, где командиром был Н. П. Захаров. В ожесточенных сражениях под Коноваловским заводом и в районе станции Крутой Лог они нанесли белым сильные контрудары, значительно улучшив позиции полка². В результате героического сопротивления Особая бригада избежала разгрома, хотя и понесла большой урон. Обстановка на левом фланге Третьей армии резко ухудшилась. 14 декабря колчаковцы захватили станцию Чусовская. Это дало им возможность отрезать советские части, оборонявшие Северный Урал, взять в клещи 29-ю дивизию, нанеся удар со стороны Кушвы и Чусовской.

В первые дни контрнаступления Колчака на Пермь положение в Третьей армии в значительной степени облегчалось активными действиями частей в центре и на правом фланге. 30-я стрелковая дивизия вела наступательные бои на Кунгурском направлении. Здесь противник, несмотря на численное превосходство, долго не мог добиться сколько-нибудь серьезных тактических успехов. Упорные встречные бои завязались на правом фланге Третьей армии, в

районе Осы, где располагалась 5-я Уральская дивизия. На этом участке фронта белогвардейцы тоже не сумели сразу овладеть боевой инициативой.

Только во второй половине декабря, когда враг проорвался к Перми, правофланговые соединения Третьей армии вынуждены были отойти на запад и оставить Кунгур. Это произошло еще и потому, что соседняя Вторая армия не предприняла вовремя наступления на своем участке фронта, оставив без поддержки части правого фланга Третьей армии.

Критическая обстановка, сложившаяся на фронте Третьей армии, требовала принятия срочных мер. В. И. Ленин не раз предупреждал командование Красной Армии об угрозе Перми. 13 декабря он писал в Реввоенсовет Республики: «Крайне тревожные вести из-под Перми. Ей грозит опасность. Боюсь, что мы забыли про Урал. Непременно налегайте на Вацетиса и проверяйте, достаточно ли энергично он дает подкрепления Перми и Уралу»¹. Одновременно В. И. Ленин и Я. М. Свердлов в телеграмме на имя председателя Реввоенсовета Республики еще раз напомнили о необходимости срочной помощи Перми, особо подчеркнув значение обороны Кизеловского района, снабжавшего углем заводы и железнодорожный транспорт. Руководствуясь указаниями Ленина, советское командование предприняло некоторые меры для укрепления Пермского участка Восточного фронта. В этот же день главком И. И. Вацетис дал командующему Восточным фронтом предписание: «Из поступающих сведений усматривается, что противник предпринял решительную операцию против Третьей армии. Возможно, что противник поставил своей задачей захват Перми и развитие в дальнейшем своей операции в направлении на Вятку и в сторону Воткинского и Ижевского заводов. Мы должны всеми мерами воспрепятствовать одержанию противником какого бы то ни было успеха над нами на Урале, ни в коем случае не допустить перехода в руки противника района Пермь — Вятка — Воткинский — Ижевский заводы»². Далее предлагалось активными действиями Второй и Пятой армий парализовать наступление белогвардейцев на Пермском направлении, усилить Третью

¹ Коммунисты Урала в годы гражданской войны, стр. 225—226.

² Л. М. Спирин. Разгром армий Колчака, стр. 63—64.

¹ В. И. Ленин. Военная переписка (1917—1920), стр. 88.

² ЦГАСА, ф. 106, оп. 3, д. 100, л. 94.